

16+

Евгений Гришаев
Тайна Нотингер

Евгений Гришаев

Тайна Нотингер

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гришаев Е. А.

Тайна Нотингер / Е. А. Гришаев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В двенадцать лет он был вынужден бежать из дома. Не любимый семьёй, обвинённый в поджоге, он испытал на себе всю жестокость и несправедливость красивого мира. Он был на грани между жизнью и смертью, выживал в лесу, отнимая добычу у волков. Мир не принимал его, но всё изменилось, когда в его жизни появились они.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Пролог

(Отрывок из книги, хранящейся в Эйвенхардской королевской библиотеке – «История Накры» – год – 7534».)

Прекрасный мир Накра, исторически известен со времён появления его первых разумных жителей Эльфи́ров. Красивые, сильные и умные, они несколько тысяч лет старались, сделать Накру лучшим местом среди звёзд. Великие маги тысячелетиями создавали великолепие своего государства с одноимённым названием, единственного государства, занимающего территорию всех трёх континентов пригодных для жизни. Казалось, что сам мир был рад существованию Эльфи́ров, помогая им улучшать себя. Но не только эльфиры, а и сама Накра создавала чудеса природы не хуже великих магов. Парящие над землёй скалы и удивительные животные, всего капля из того, что появилось в мире за несколько тысяч лет его существования. Красивейшие города, расположившиеся в горных долинах, лишь дополняли естественную красоту этих мест. Высокие башни, построенные магами методом сплавления камня в сплошной монолит, достигали высоты в тысячу локтей. Широкие дороги не знали, что такое яма и грязь. Жители были счастливы и думали, что так будет всегда, но всему приходит конец. Эльфиры стали тяготиться тяжёлой и грязной работы, им потребовались рабы, но их негде было взять, ведь кроме них в мире больше не было разумных существ. В один прекрасный день всемогущие маги решили, что они боги и попытались, создать существ по своему образу и подобию, чтобы сделать из них рабов.

Первая попытка была не совсем удачной, существа получились сильными, но были уродливыми на вид, к тому же оказались, очень злобными и тупыми. Их назвали орками, создал этих существ маг по имени Оркенхат. Попутно с Оркенхатом, созданием рабов, занимались ещё два мага, Пасаторм и Черовект. Их существа получились симпатичнее и умнее, так в мире появились Гномы и Люди, последних ещё называли Человек, если он был один. Оркенхат был расстроен тем, что его рабы получились хуже и занялся их усовершенствованием. Со временем ему удалось, сделать их умнее и немного симпатичнее, но в ущерб их физической силе.

Об улучшении рабов Оркенхата узнали другие маги, возомнившие себя богами, тоже взялись за улучшения своих рабов. Каждый старался, наделить своих существ каким-нибудь хорошим качеством, и это иногда получалось, но всё изменилось, когда рабы случайно получили магию. Маги не сразу это заметили, а потом уже было поздно что-либо с этим делать. Великолепный мир Накра захлестнула кровавая война, орки, гномы и люди возненавидели друг друга, но больше всего они возненавидели своих создателей. Пять сотен лет кровавых сражений привели к тому, что численность всех разумных жителей в мире сократилась в сотни раз. Маги создатели тоже приняли в этой войне непосредственное участие, ведь каждый стремился доказать, что созданные им рабы – самые лучшие.

Спустя триста лет от начала войны, сам мир Накра запротестовал и обрушил на головы враждующих кару реальных богов. Взрывались горы, расплавленная лава сметала на своём пути красивые города, перекрывала реки и выжигала леса. Один из трёх материков раскололся на несколько частей, добавив проблем уже уставшим от войны существам. Климат стремительно менялся, там, где когда-то было жарко – всё замёрзло, а там, где круглый год лежал снег – проросла трава. Цветущие сады превратились в безжизненные пустоши, где больше ничего не росло, даже самая неприхотливая травка. Удивительные и красивые звери превратились в кровожадных монстров, нападающих на всё живое.

С тех времён прошло две тысячи лет, сотни городов бесследно исчезли с поверхности Накры, ещё несколько десятков лежали в руинах. Первородные Эльфиры к этому времени уже потеряли былое величие и превосходство над своими рабами. Их маги больше не являлись самыми сильными и могущественными, большая часть древних знаний, доставшихся им по

наследству от предков, была утрачена. Люди, орки и гномы давно перестали уважать и бояться своих создателей, и теперь они называли Эльфилов сокращённо, – эльфы. Со временем Эльфиры смирились с таким сокращением и сами стали называть себя так, уже не видя в этом ничего унижительного. Развитие науки в эти две тысячи лет не продвинулось вперёд ни на шаг, никаких технологий, облегчающих жизнь, не было создано. Даже оружие за две тысячи лет не изменилось, зачем что-то изобретать, если полоска остро заточенной стали, прекрасно лишает жизни любое существо.

Территория Накры была поделена на несколько частей, каждую часть занимал лишь один народ. Самая большая часть, досталась людям, так как их было больше чем эльфов, гномов и орков вместе взятых. Так появилась великая империя людей, но просуществовала она не долго, всего сто пятьдесят лет. Люди не смогли жить мирно все вместе, началась война. Всего за двадцать лет эта война разделила империю на десять королевств. Казалось, что после разделения территории, люди должны успокоиться, но не тут-то было. Каждый из королей хотел, получить ещё больше земель под свой контроль и опять начались войны.

Наблюдая за тем, как люди уничтожают себя, эльфы решили этим воспользоваться и отобрать часть принадлежавшей им ранее территории. Присоединить территорию получилось у них только один раз, и не такую большую, как планировалось. После этого люди на время забыли о вражде и объединились в войне против эльфов. Вернуть обратно земли люди не смогли, но и эльфы после жестокой войны больше не делали попыток что-нибудь забрать обратно себе. Люди, разумеется, дав отпор первородным, даже и не подумали о том, чтобы жить мирно и продолжили воевать между собой. Войны стали не такими кровопролитными и не такими долгими, какими были раньше, но они продолжались. Больших территорий никто из королей так и не получил. Пара деревень или небольшой приграничный город, вот и всё, что удавалось завоевать, да и их потом законный хозяин отвоёвывал обратно.

Глава 1

Последняя вялотекущая война на территории людей произошла между королевствами Эйвенхард и Вуширхор в 7542 году. Король Вушир вторгся на территорию королевства Эйвенхард, захватил две приграничных деревни и крепость Харит. Спустя год, король Эйвенхарда – Эйвен пятый, смог забрать своё и в отместку захватил у соседа небольшой город. Ценности в этих территориях не было никакой, поэтому Эйвен предложил Вуширу выкупить город за совсем не большую сумму. Вушир слегка поупорствовав вначале, согласился, после чего между королевствами был подписан мирный договор, и солдаты двух армий вернулись домой.

Десятник армии Эйвенхарда Тард Рантан возвращался домой после двух лет войны, надеясь зажить спокойной жизнью, но опять попал на новую войну. Король Эйвен объявил войну своему вассалу графу Нотингеру, заподозрив его в измене и попытке захвата трона. В это было трудно поверить, ведь граф Агор Нотингер всегда был верен королю. Мало того, он ещё являлся его лучшим другом с самого детства. Войско графа было лучшим по сравнению с другими войсками армии Эйвена в войне с Вуширхором. Несмотря на это, король Эйвен напал на крепость Нотингер и ценой больших потерь смог захватить её. Убив всех, кто был в крепости, включая самого графа и его семью, он объявил, что крепость отныне является проклятым местом и тот, кто тут поселится, в скором времени умрёт в страшных муках. Также он приказал своим магам, наложить проклятье на всех возможных бастардов графа, если у него таковые имелись.

Тард Рантан выжил и в этой войне, но получил ранение. Немного денег, это всё что Тарду досталось в награду от короля, после чего он был списан с воинской службы навсегда. Спустя месяц, залечив рану, Тард возвращался домой, но уже не один, а с невестой. Молодая и красивая Тила заботились о Тарде всё, то время, которое потребовалось на его выздоровление. Тила лишилась родственников и своего дома во время войны с Вуширхором и сейчас нуждалась в новом доме и семье. Немного подумав, она приняла от Тарда предложение, стать женой отставного десятника.

Семь лет они прожили счастливо в Терноле, родном городе Тарда. За эти семь лет Тила родила ему двух детей, сына Итмара и дочку Сентию. Вскоре Тард узнал, что у них вскоре появится третий ребёнок и очень обрадовался этому. Мальчик появился в назначенный срок, но с момента его рождения счастливая жизнь Тарда закончилась. Роды были тяжёлыми, Тила долго болела и жизненная сила в ней угасала с каждым днём. Спустя два с половиной года она умерла, Тард остался один с тремя детьми и разбитым, после потери любимой Тилы, сердцем. Маленький Кирит с каждым днём становился для Тарда всё более и более ненавистным ребёнком. Он считал лишь его виновным в смерти жены Тилы, ведь не родись Кирит, она бы осталась жива.

Час за часом, день за днём время шло вперёд, мальчик рос и, к сожалению Тарда ничем не болел. Со временем Тард смирился с потерей жены и жизнью Кирита, но любви к младшему сыну он не питал. Другое дело старший сын Итмар, в свои двенадцать лет он стал надёжным помощником не только по дому, но и в получении дохода. Тард Рантан владел небольшой торговой лавкой, расположенной на соседней улице не далеко от дома. Он купил это помещение на полученные в награду от короля деньги почти сразу, как только вернулся домой. Продавал там всё подряд, от старых гвоздей и фонарного масла, до оружия и доспехов. Прошло несколько лет, жизнь в маленьком городе наладилась, Тард окончательно успокоился и уже почти не ругал Кирита за его мелкие шалости.

Как-то однажды вечером вернувшись из лавки, Тард обнаружил свою дочь мёртвой. Девочка полезла на чердак по приставной лестнице и, упав с самого верха, свернула себе шею. Беда опять пришла в дом Тарда, в этот раз, забрав у него дочь, внешне уже очень похожую на

свою мать. Тард был в отчаянии и стал пить, пил неделями до потери памяти. Когда он трезвел, шёл в свою комнату, открывал сундук, доставал оттуда маленький портрет Тилы, долго на него смотрел, а потом, положив его обратно, напивался снова. Этот портрет был выполнен местным художником на городском рынке. Тард заказал у художника этот портрет, чтобы потом подарить его Тиле в день годовщины их свадьбы.

С первого же дня как Тард начал пить, всё домашнее хозяйство легло полностью на плечи Кирита, а торговая лавка перешла под управление старшего брата Итмара. Торговля у Итмара шла плохо, денег стало не хватать даже на то, чтобы заплатить налог. У Кирита дела шли гораздо лучше и благодаря его стараниям, семья могла жить тем, что имелось в их скромном хозяйстве. Кирит хорошо заботился о трёх десятках кур, двух козах и свинье, которая должна была опороситься со дня на день.

Как-то проснувшись рано утром, после очередного загула, Тард посмотрел на обстановку в доме и решил, что с пьянством нужно прекращать. Младший сын Кирит просто не справлялся со всем тем, что свалилось на его детские плечи. Кирит не успевал следить за порядком во всём доме, он больше внимания уделял заботе о дворовом хозяйстве. Куры, козы и свинья ежедневно нуждались в заботе и давали семье то, без чего не прожить, то есть пищу. Если бы младший сын попытался заняться всем сразу, сейчас у них не было бы ни кур, ни коз, ни свиньи и соответственно и еды тоже.

Тард снова занялся торговлей, освободив от этого дела Итмара и направив его в помощь младшему сыну. Через несколько месяцев Итмара призвали в армию сроком на один год, для обучения воинскому делу. Это было обязательной повинностью перед королём. Каждый город или посёлок был обязан, направить на обучение определённое количество солдат и Итмар попал в этот список. Король Эйвен боялся очередного нападения какого-нибудь соседа и готовил солдат ополчения на случай новой войны. Разумеется, никому из ополчения оружие в руки не давали, их просто приучали выполнять команды своих командиров и ходить строем.

Со временем жизнь семьи Тарда понемногу стала налаживаться, в лавке опять появились покупатели, но вскоре вновь появились проблемы. В появлении этих проблем, по мнению Тарда, был виноват исключительно Кирит. Сдохла курица – виноват исключительно Кирит, не досмотрел. Коза залезла на крышу соседского сарая – опять Кирит виноват, не уследил. Молоко скисло – конечно же, это опять Кирит о нём забыл. Тарду было плевать на то, что младшему сыну всего одиннадцать лет, он строго наказывал Кирита за каждую мелочь. Сам Кирит не держал зла на отца, понимая, что отец просто не справляется со всеми делами, поэтому и злится. Стараясь, лишний раз не попадаться отцу на глаза, Кирит перебрался жить на чердак. Под небом Накры сейчас шла вторая половина лета, на чердаке было достаточно тепло, чтобы там можно было спать.

Когда Кириту исполнилось двенадцать, домой вернулся Итмар, и жизнь Кирита кардинально изменилась в худшую сторону. Теперь во всех бедах его обвинял уже не только отец, но и брат. Итмар открыто ненавидел младшего брата со дня его рождения, считая, что с его появлением, о первенце сразу забыли и мать, и отец. Всё внимание было приковано к писклявому существу по имени Кирит. Итмар просто был убеждён в том, что Кирит не должен жить в их семье, да и вообще жить, семье Рантан было достаточно и одного сына.

Два месяца спустя. Королевство Эйвенхард, город Тернол, улица торговая, Кирит Рантан.

Утро нового дня началось как обычно, я покормил кур, собрал яйца, подоил коз, почистил свинарник, не забыв после накормить единственного оставшегося у нас поросёнка. Приготовил завтрак на всех, свою часть завтрака съел на ходу, потом взял свежее молоко и отправился к бабушке Мараф, чтобы продать ей это молоко. Я ходил к этой старой женщине через день, иногда бегал для неё за хлебом, за что получал ещё один медяк вдобавок к двум за молоко. После смерти мужа она осталась жить здесь, в нашем маленьком городе и покидать

насиженное место уже не собиралась. У неё был сын, но жил он не здесь, а в столице и время от времени присылал Мараф денег, чтобы она не голодала. Бабушка была очень доброй и как оказалась, ещё и была очень хорошо обучена грамоте.

За два года пока я носил ей молоко, Мараф научила меня читать и писать. Она много знала о разумных жителях Накры и о том, как они жили раньше и живут сейчас. Я узнал от неё много интересного о нашем мире, его волшебных местах и проклятых землях, оставшихся после тысячелетней войны. Затаив дыхание, я слушал рассказы об ослепительно красивых эльфийках и об уродливых, но сильных орках.

От неё я узнал о существовании гномов, живущих в городах, построенных в глубоких пещерах и о магии. Конечно же, она мне потом рассказала не только о магии, но и о магах, живущих сейчас, так и их древних предках. Я вначале думал, что бабушка Мараф из какого-нибудь знатного рода, если знает так много, но оказалось, что это не так. Она была всего лишь служанкой у одной молодой баронессы. К баронессе приходил учитель, а так как учитель был тоже молод, как и баронесса, их не оставляли одних в комнате. На занятиях всегда присутствовала Мараф и училась разным наукам вместе с баронессой. Потом была война, баронство было разорено, семья барона была убита и Мараф переехала в Керенард. С годами северный климат стал ей в тягость, и она с мужем и сыном переехала сюда, наш маленький Тернол.

Пройдя три квартала, я наконец-то добрался до её дома под проливным дождём, вымокнув за это время до последней нитки. Оказавшись под крышей крыльца дома бабушки Мараф, облегчённо вздохнул и постучал в старую дверь. Сегодня бабушка мне обещала подробнее рассказать об эльфах, ведь о них в нашем городе, наверное, никто не знал больше чем она. Я очень ждал этого рассказа, поэтому вышел из дома чуть раньше, чем обычно.

– Бабушка Мараф, это я, Кирит, откройте, пожалуйста, я вам молоко принёс! – Мне никто не ответил, я постучал ещё раз и крикнул громче, надеясь, что первый раз она меня просто не услышала. Ответа и в этот раз не получил. Возвращаться домой с молоком, чтобы сходить к бабушке позже, мне было лень, поэтому я решил оставить его за дверью. Дверь в её дом никогда не запиралась, и я спокойно попал внутрь. В доме было тихо, сухо и прохладно, а ещё достаточно темно из-за полузакрытых ставнями окон. Я позвал бабушку ещё раз, но она и в этот раз не откликнулась. Подумав о том, что её сейчас просто нет дома, решил, оставить кувшин с молоком на столе. Сделав несколько шагов в сторону стола, расположенного в центре комнаты, увидел ноги бабушки Мараф, а потом и её саму, лежащую с перерезанным горлом в луже собственной крови. От испуга выронил из рук кувшин с молоком. Кувшин, конечно же, разбился, упав на пол и к тёмно-бордовой луже крови, добавилась почти такого же размера лужа белого козьего молока.

От увиденного меня сразу замутило, я почувствовал, что ещё немного и меня вывернет наизнанку. Закрыв рот рукой, выбежал на улицу, и некоторое время глубоко вдыхал прохладный воздух дождливого дня. На самой улице сейчас не было никого, люди попрятались от дождя в сухие и тёплые дома. Не зная, как поступить, я перебежал на другую сторону улицы и вошёл в первую, попавшуюся мне дверь. В нос ударил запах кислого вина, пива, жареного мяса и чеснока. За дверью был обеденный зал маленькой и дешёвой таверны, где на данный момент компания искателей древних артефактов отмечала своё возвращение из похода.

– Что парень, тоже решил кружечку пивка пропустить? – громко спросил один из пятёрки поисковиков, после чего все громко засмеялись.

– Там кто-то бабушку Мараф убил, – выдавил я из своего сухого от волнения горла.

– Мараф? Это та, что живёт в доме напротив? – уточнил мужик, сидевший до этого ко мне спиной.

– Да, ей кто-то горло разрезал от уха до уха, – пояснил я и показал, как это было сделано на своей шее.

Вскоре вся компания искателей древностей, вместе с хозяином таверны, отправилась в дом бабушки Мараф, чтобы убедиться в том, что я их не обманул. Меня они оставили в таверне, решив запереть в кладовке, чтобы я не сбежал до их возвращения. Я слёзно доказывал им, что не могу здесь сидеть, так как за долгое отсутствие меня отец выпорет, но им на мои заявления было наплевать, они всё равно меня заперли. Сидеть в тёмной комнате среди пустых бочонков и глиняных горшков, чтобы после быть наказанным отцом, я не собирался. Достав свой нож, найденный мною ещё в прошлом году во время выпаса коз, я осторожно отодвинул его лезвием засов, находящийся снаружи. Вышел из кладовки и тихо прошёл на кухню. На кухне сейчас никого не было и я, спокойно выйдя через заднюю дверь, оказался во дворе таверны. Осмотревшись по сторонам и никого, не заметив, перелез через забор в соседний двор и уже оттуда попал на улицу.

Дождь, уже наполнив водой городские улицы – по колено, продолжал поливать землю и, судя по затянутому тучами небу, прекращать это делать не собирался. Не обращая внимания на проливной дождь, я быстро побежал домой, нужно было обо всём рассказать отцу. Бежать пришлось другой дорогой, так как, пройдя через соседний двор таверны, я оказался на улице, ведущей в центр города, а переулка, чтобы свернуть в сторону дома тут не было. Вскоре добежал до центра города и уже там повернул на улицу, ведущую к дому. Сбивая дыхание, я спешил домой, но через некоторое время остановился, увидев впереди клубы дыма. Испугавшись и подумав, что это горит наш дом, я побежал ещё быстрее и вскоре добрался до места пожара. Горел к счастью не наш дом, а лавка нашего конкурента Ливрета Корша. Он приобрёл этот дом два года назад, открыв на первом этаже лавку с точно таким же товаром, что был у нашего отца. Почти сразу доходы с продаж в лавке отца упали до ноля, все покупатели перешли к Коршу, так как он ощутимо снизил цены.

Пожар только набирал силу, не смотря на проливной дождь. Зевак на улице чтобы посмотреть, как горит лавка Корша, ещё не было. Я оказался первым, не считая самого Ливрета, стоящего напротив двери лавки, из которой густыми клубами вырывался дым. Он не делал попыток погасить огонь, он просто стоял, звал на помощь и ждал, что вскоре эта помощь придет, и лавка будет спасена. Люди и правда скоро появились, но не для того чтобы спасти дом и лавку Корша, а просто поглазеть, как это всё сгорит. Я тоже стоял и смотрел, мой подбородок дрожал от всего того, что произошло за короткое утро, можно сказать, у меня на глазах. Сначала убийство бабушки Мараф, теперь пожар, о том, что ещё может произойти плохого за оставшийся день, даже думать было страшно. Мне казалось, что и того что я уже увидел, было более чем достаточно, но вскоре произошло то, о чём я даже помыслить не мог.

Толпа зевак стояла на безопасном расстоянии от огня и обсуждала случившееся. Я не прислушивался к их разговорам до тех пор, пока не услышал о том, что лавку Корша специально подожгли и сделал это сын Тарда Рантана. Услышав это, я вздрогнул и попятился назад, ведь многие из тех зевак, что сейчас собрались посмотреть на пожар, хорошо меня знали.

– Вот он, поджигатель! – крикнул кто-то, и вся толпа повернула головы в мою сторону. – Тард теперь должен возместить ущерб! Пусть оплатит шалость своего отпрыска!

Я продолжил пятиться назад, собираясь бежать, домой и рассказать отцу всё что знал, и об убийстве Мараф, и о пожаре. Хотел объяснить отцу, что я к этому всему не причастен. Только повернулся, чтобы побежать домой, увидел своего отца. Он шёл мне навстречу, держа в руке топор. Взгляд, которым он смотрел на меня, ясно говорил, что ни одному моему слову он не поверит ни сейчас, ни потом, и сейчас он меня будет убивать. Поняв это, я стал медленно отступать в сторону проулка, там сейчас никого не было и по нему можно было быстро убежать. Пока отступал, пытался объяснить и доказать отцу, что я к пожару не имею никакого отношения, но он меня сейчас просто не хотел слышать.

– Тебя нужно было ещё в колыбели удавить, проблем бы потом столько не было, – говорил он сквозь плотно сжатые зубы. – Прав был Итмар, это ты во всём виноват.

Пятясь, я не заметил, что сзади находится угол каменного дома. В этом доме жил булочник, всегда относившийся ко мне с пониманием и сочувствием. Холодные камни стены его дома заставили меня, замереть на месте. Мои ноги предательски дрожали и отказывались, сделать хотя бы ещё один шаг к спасению.

– Беги парень, беги и не возвращайся, – раздался голос Ниртана булочника откуда-то сверху. Его тихий голос заставил меня очнуться от страха, после чего я побежал. Побежал по пустому проулку в сторону городских ворот, ещё пока открытых до вечера. Иногда их днём специально закрывали, чтобы не дать какому-нибудь преступнику сбежать из города пока его ищут. Сейчас этим преступником сделали меня, Кирита Рантана, двенадцатилетнего мальчишку, родом из маленького городка Тернол королевства Эйвенхард.

Бежал я быстро и долго, так долго, пока у меня были на это силы. Мои глаза были полны слёз, меня оклеветали, и отец в это поверил. Как он мог? Ведь я его сын, меня же сначала нужно выслушать! Была бы жива мама, она не допустила бы такого отношения ко мне, я это знаю, ведь она меня очень любила. Три года назад в отцовском сундуке я нашёл её портрет, долго смотрел на него, пытаюсь запомнить мамино лицо. Потом, как только оставался дома один, сразу же бежал в комнату отца, доставал мамин портрет и смотрел на него. Иногда плакал, жалуясь маминому портрету на несправедливое наказание от отца или на жизнь, когда сильно уставал от домашних дел. Я не помнил маму живой, ведь когда она умерла, мне было всего два с половиной года. Мама была очень красивой и совсем не была похожа на простолюдинку, я в этом был уверен. Я каждый день встречаю на улице наших горожанок, они совсем другие не такие как моя мама.

Пока бежал, ни разу не обернулся, чтобы посмотреть, гонится за мной кто-нибудь или нет. Когда упал, лишившись сил не только передвигать ноги, но и просто способность стоять на них, понял, что за мной никто не гонится, а городские стены остались где-то далеко позади. Как только смог восстановить дыхание, заставил себя встать и идти дальше, на то чтобы бежать, сил уже просто не было. В моей голове не укладывалось понимание всего того, что со мной произошло. Это была какая-то злая шутка богов, ведь я не делал того, в чём меня обвинили. Хотелось вернуться и ещё раз попробовать всё объяснить, но вспомнив об отце с топором в руках, желание возвращаться сразу исчезало. Возможно потом, спустя какое-то время, когда все успокоятся, я вернусь домой и всё объясню.

С наступлением темноты решил, что убежал я, уже достаточно далеко от города. Теперь мне было нужно найти подходящее место для ночлега. Глаза слипались от большого желания спать, даже голод отошёл на второе место, уступив место этому желанию. Жажда меня пока не мучила, после дождя водой была заполнена каждая ямка, так что проблем, где взять воду у меня не было. Чтобы получить костёр и согреться у огня, мне было необходимо иметь огниво. Это самое огниво вещь не дорогая и продавалось в городе чуть ли не на каждом углу, но я сейчас не дома и даже не в городе. Чтобы не спать на голой земле пришлось искать поваленное дерево с толстым стволом, чтобы на нём можно было лежать. Такое дерево нашлось быстро, лес старый и таких деревьев тут было много. Потом я выбрал дерево с пышной листвой. Из его ветвей собирался построить просторный шалаш над стволом дерева. Веток наломал много, хватило бы на большой шалаш, но строить его уже не было сил. К тому же наступила ночь, а в темноте шалаш строить ещё более трудная задача, поэтому я отломанными ветками просто укрылся как одеялом.

Утром у меня болело всё, любое движение причиняло боль во всех мышцах сразу. Скрипя зубами и сдерживая крик от причиняемой движениями боли, долго разминал воспалённые мышцы, чтобы вновь обрести способность к передвижению. Я ничего не ел со вчерашнего утра и сейчас мой голодный желудок, настойчиво требовал чего-нибудь в него положить. Притупив голод водой из ближайшей лужи, я занялся поиском еды.

Лес, в котором я сейчас находился, был смешанным и каким-то странным. Он рос не сплошной стеной, а клочками, несколько десятков хвойных деревьев, потом луг и снова лес, только деревья уже лиственные. Ничего съедобного кроме горсти перезрелой земляники я не смог здесь найти. Для моего организма после вчерашнего длительного забега, этого было мало, можно сказать, вообще ничего. Имея с собой лишь старый нож, какой обычно носят в сапоге, я решил поохотиться. Какого зверя можно добыть, имея только нож? Разумеется, мелкого, например, зайца или какую-нибудь птицу, не умеющую летать. Как я не старался, но никого не поймал, потому что никого не нашёл. Ближе к вечеру, когда от голода уже больше не мог ни о чём думать, кроме еды, я вышел к ручью, петляющему по лесным оврагам как заяц, бегущий от волка. Этот ручей стал для меня спасительным, я смог поймать пару рыбёшек размером с мою ладонь. Съел их сразу же, даже не ощутив вкуса. Лишь только после этого в моей голове появились другие мысли, не связанные с едой. Снова появилось желание вернуться домой, но я это желание душил, как только мог, прекрасно осознавая, что ничего хорошего меня там ждёт. Поджог – преступление серьёзное, за это можно запросто угодить на каторгу, если ущерб возместить нечем. Надеюсь отец найдёт деньги, если не сможет доказать, что лавку Корша поджог не я.

Чуть позже на берегу ручья нашёл несколько камней, подходящих для того, чтобы с их помощью добыть огонь. Опыт получения огня таким способом у меня был большой, я каждый день этим занимался дома по несколько раз в день. Конечно же, то огниво что осталось дома, было гораздо качественнее найденных мною камней, но и с их помощью я смог добыть огонь, высекая искру ножом. Добыл его к тому моменту, когда ночное светило, уже заняло своё положенное место на тёмном небе. Всю ночь пришлось поддерживать жаркое и яркое пламя костра и не потому, что мне было холодно. Сразу после полуночи, лес словно ожил, что-то, трещало, скрипело, шурило и где-то вдалеке, протяжно выл волк.

К утру я был уставшим и хотел спать, а ещё я опять хотел есть. На этот раз в ручье ни одной рыбины не поймал, пришлось довольствоваться лягушками, коих на берегу было превеликое множество.

Просидеть у ручья можно было бы ещё несколько дней, но это был не выход из положения, у меня нет ничего для того, чтобы облегчить себе жизнь. Нужно было идти туда, где живут люди, там проще достать еду и есть шанс найти временное жилище для того, чтобы пережить зиму, которая уже не за горами. Пройдёт ещё три месяца и в той одежде, что сейчас была на мне, уже не переночуешь в лесу у костра, замёрзнешь насмерть ещё до того, как наступит утро. Возвращаться домой, я уже не собирался, решил, идти вдоль ручья по его течению, должен же кто-то жить неподалёку, используя его чистую воду.

На следующее утро, как только солнце осветило Накру первыми лучами, я отправился дальше. Дорога оказалась совсем не такой лёгкой, какой она мне показалась вначале. Преодолевая крутые холмы, покрытые колючим кустарником и спускаясь в глубокие овраги, я уже к полудню вымотался так, что появилось желание остановиться и устроить привал до следующего утра. В итоге я так и поступил, только место для ночлега выбрал более безопасное, на крохотном островке посередине в несколько раз увеличившегося в ширину ручья. Для начала натаскал на этот островок сухих веток для костра и наловил лягушек, чтобы хоть что-нибудь съесть. Рыба в ручье была, но мелкая и такая шустрая, что попытаться поймать её я просто не решился, дело бесполезное, времени потратишь много, а еды добудешь мало или вообще ничего не добудешь.

Ночь прошла спокойно, я даже смог выспаться, не слушая волчьего воя и скрипа старых деревьев, раскачиваемых ветром. С рассветом отправился дальше, только теперь решил, двигаться с другой стороны от ручья, мне показалось, что там берег был ровнее. Местность на другом берегу оказалась ничуть не ровнее, но тут хотя бы колючего кустарника было гораздо меньше. К полудню добрался до того места, где ручей соединился с другим ручьём образуя

маленькую речку. Глубина этой речки достигала всего-то мне до колен, а вода была такой чистой, что был виден каждый камешек на дне. Рыбу я тоже увидел и уже не с ладонь размером, а втрое больше. Мой измученный лягушками желудок, моментально напомнил мне тянущей болью о том, что сейчас уже время обеда. Смастерив из длинной ветки подобие остроги, я объявил охоту на всё, что плавало в реке.

Рыбу мне всё-таки удалось поймать, и её размер меня очень порадовал. Четыре ладони длиной и икра внутри. Сегодня у меня был поистине королевский пир, я доел рыбу только к полуночи и сытым, впервые за несколько дней, заснул возле жаркого костра.

Утром покидать столь сытное место не хотелось, к тому же ещё до того, как утренний туман рассеялся, я смог поймать ещё одну рыбку, только уже меньшего размера. Понимая, что время идёт и лето продлится не круглый год, я отправился дальше, искать людей, среди которых смогу перезимовать. Сейчас я находился от родного города уже очень далеко и решил, выйти на дорогу. Дорога, на которую вышел, использовалась людьми не часто и почти заросла травой. По ней я добрался до другой дороги, самой главной дороге нашего королевства – королевскому тракту.

Тракт пересекал всё королевство с севера на юг и соединял четыре самых больших города Эйвенхарда. Своё начало он брал в столице, расположенной на юге королевства и заканчивался в Керенарде, самом северном городе Эйвенхарда. По тракту идти было гораздо легче, ведь эта дорога была широкой и вымощена камнем. За остаток дня на тракте мне встретились всего два торговых обоза, идущих на север королевства. Я избегал встречи с людьми из этих обозов, сразу прятался в ближайшем лесу, как только они появлялись на горизонте. Чем дальше я двигался на юг, тем меньше было леса вокруг. Лес, если его можно было так назвать, был уже полностью лиственный, а деревья росли друг от друга на большом расстоянии, поэтому прятаться от обозников мне стало сложнее. Лишь один раз за три дня пути по тракту, мне удалось подкрасться к стоянке обоза и послушать разговоры. Так я узнал, где сейчас нахожусь и как далеко от этого места до ближайшего города. В двух днях пути отсюда, если идти пешком, а не ехать верхом на лошади, находился город Карамаш, третий по величине город Эйвенхарда.

Рано утром обоз покинул место стоянки и направился дальше на север, а я через некоторое время пришёл на то место, где они ночевали. Я был очень голодным и надеялся найти хоть какие-нибудь объедки, оставшиеся после их ужина и раннего завтрака. Нашёл только хорошо очищенные от мяса кости и обрезки овощей, в основном свеклы и моркови. Я сразу же съел эти обрезки, даже не очистив их от прилипшего к ним мусора и сухой травы. Несмотря на это, чувство голода только усилилось, пришлось идти искать себе пропитание среди камней, травы и кочек. За два часа смог поймать двух ящериц и змею. Ящериц выбросил, так как они были очень маленькие, а змею зажарил и съел. Мне сейчас было абсолютно наплевать на вкус еды, главное, чтобы она не была ядовитой. От поедания змеиного мяса со мной ничего плохого не произошло и чувство голода на какое-то время оставило меня в покое.

В путь я отправился рано утром с первыми лучами солнца и до полудня преодолел расстояние равное двум дням пути по берегу ручья. Через некоторое время в стороне от тракта заметил дым. Решил сходить посмотреть, что там горит, ведь где дым – там люди, а где есть люди – там есть еда.

Я оказался прав, это была маленькая деревня, всего два десятка домов, а дым, который я увидел, выходил из кузни. Сама кузня расположилась чуть в стороне, чтобы дым и удары молота не мешали жителям. Возле кузни на большом пне сидел кузнец, возле него стоял крестьянин и что-то ему доказывал, показывая куда-то в сторону леса, где я сейчас прятался. Перед тем как попытаться попросить еды, решил сначала понаблюдать за жителями. Стоило узнать, что за люди тут живут, ведь когда твои друзья становятся твоими врагами – чужих начинаешь бояться вдвойне.

Глава 2

Я наблюдал за кузнецом до самого вечера, он, то входил в свою кузню, то выходил оттуда. Чем он там занимался, мне было непонятно, ни одного удара молотом за всё время наблюдения за ним, я не услышал. Наблюдая за ним, я не пытался поменять место или обойти кузню, чтобы приблизиться к деревне. Двигаться вообще было опасно, вокруг всё время было много крестьян, кто-то косил траву, кто-то пас коров и коз, а кто-то просто мешался под ногами. Этими мешающимися под ногами были дети, не желающие сидеть дома, вот они-то как раз и были для меня самыми опасными, так как бегали везде и могли меня найти. Когда солнце скрылось за горизонтом, кузнец отправился домой, прихватив с собой из кузни что-то длинное, завёрнутое в тряпку. Дождавшись, когда станет совсем темно, и крестьяне разойдутся по домам, я решил заглянуть в кузню, вдруг там смогу найти что-нибудь съедобное.

Надеялся я зря, ничего из того что можно было бы съесть, я в кузне не нашёл, зато нашёл за кузней. Около деревенской кузни росли несколько кустов смородины, её я и собрал. Не всю, конечно, всего четыре горсти. Съел всё моментально и голод на какое-то время про меня забыл. Смородиной долго сыт не будешь, поэтому я пошёл в деревню, на крестьянских огородах должно много чего расти.

До огородов добраться не успел, на дороге появились всадники, я насчитал двадцать. Когда они приблизились, им навстречу вышли несколько крестьян, чтобы их встретить. Всадниками оказались солдаты, они весь день гонялись за разбойниками, появившимися в этих местах недавно. Сейчас солдаты собирались остановиться в этой деревне на ночлег, а утром продолжить поиск. Для меня это было плохо, я понял, что в деревне этой ночью появится охрана и меня они точно найдут. Пока они снимали упряжь и кормили лошадей, я успел украсть с ближайшего огорода две незрелые тыквы.

Утром, когда деревенские жители проснулись, проводили солдат и чуть позже обнаружили пропажу двух тыкв, я был уже далеко. К этому времени у меня осталась уже только одна тыква, вторую я съел ночью, причём всю, даже твёрдую как камень кожуру. Я так и не отважился после своей мелкой кражи, прийти в деревню и попросить еды, мне стыдно было. Сейчас с зелёной и твёрдой, как камень тыквой в руках, я не спеша брёл по редкому лесу в сторону города Карамаш. Там планировал, найти себе работу и хоть какое-нибудь жильё, мне стоило заранее позаботиться о том, где пережить зиму. Зима на юге королевства, конечно же, не такая холодная, как на севере, но и в Карамаше без крыши над головой и тёплых стен вокруг не выжить.

Если у меня ничего не получится в этом городе, пойду дальше в столицу. Я слышал, что в столице зимой даже вода в вёдрах, оставленных на улице, не замерзает, а это значит, что выжить там шансов больше. До столицы добираться придётся долго, потому что далеко до неё. Если путь в Эйвенхард от Карамаша считать, времени на него уйдёт, не меньше двадцати дней, пешком и не по тракту. По тракту быстрее дней на пять, но опаснее, по крайней мере, для меня, я же один и совсем не воин. Обычных грабителей я не боялся, у меня же нет ни чего, а вот тех, кто занимается работорговлей, нужно опасаться. Работорговля в Эйвенхарде запрещена, но вот в соседнем Вуширхоре рабы есть, немного, но есть. Об этом я от бабушки Мараф узнал, когда она говорила, чтобы я, когда буду пасти коз, от города далеко не уходил, иначе поймают и продадут в рабство. Не думаю, что она меня просто таким способом пугала, Мараф всегда говорила правду, а если чего-то не знала, то сразу в этом признавалась. На севере королевства работорговцы не появлялись, там им делать нечего, с пленником бежать придётся далеко, да и догнать по дороге могут. На юге с этим было проще, народа здесь гораздо больше живёт, а ещё тепло и граница рядом.

Вспоминая рассказы Мараф, я шёл до самого вечера, и только когда стало темнеть, решил остановиться на ночлег. Место выбрал на дне большого оврага, там и вода была и сухой кустарник для костра. На ужин у меня была вторая тыква, которую я съел уже запечённой. Согревшись у костра, уснул сытым, каким в последнее время был далеко не каждый день. В середине ночи я проснулся, мне приснился кошмар. Снилось, что отец меня догнал и отрубил руку, а мой брат Итмар в это время стоял в стороне и смеялся. Оставшуюся часть ночи я плакал, мне было обидно, страшно и одиноко.

Наступило утро, я погасил огонь и, повернувшись в сторону родного города, сказал, – я всё равно выживу назло всем вам. Сжав кулаки, быстрым шагом отправился в Карамаш. Злость и обида на весь мир подгоняла меня вперёд и к полудню под лучами жаркого южного солнца, я добрался до города. Сам удивился тому, что дошёл до него так быстро.

Вид города с высокого холма, на котором я остановился, завораживал своей красотой и размером. Карамаш был огромным, раз в десять больше моего теперь уже моего бывшего Тернола. Высокие каменные стены защищали Карамаш со всех сторон, а большие, окованные железом ворота казалось, было невозможно выбить ни одним тараном.

Город мне понравился, но появилась проблема. Как попасть в город, если у ворот стража проверяет всех, кто входит и выходит из города. Сейчас, во второй половине дня, желающих попасть в город, было значительно меньше, чем тех, кто из него выходил или выезжал. Я не знал, закрывают ли в Карамаше ворота на ночь, и берут ли плату за вход. Прежде чем попытаться попасть в город, нужно узнать обо всём лучше, а не лезть напролом через открытые ворота мимо стражи.

До вечера ещё оставалось много времени, и я решил, пока оно у меня есть, найти что-нибудь, что можно съесть. Недалеко от городских стен заметил лес, достаточно густой для этих мест и какой-то подозрительно низкий, если сравнивать его с лесом на севере. Направился к нему, чтобы узнать, есть в этом лесу дичь или какие-нибудь ягоды, пригодные в пищу.

Лес оказался не лесом, а огромным садом из фруктовых деревьев, и он охранялся. Я ещё издали заметил несколько всадников с собаками, объезжающих сад по кругу. Совать в этот сад было опасно, собаки догонят и порвут в клочья, если почувствуют, что в саду появился чужак. Мне было страшно, но я сейчас хотел, есть, а голод способен подтолкнуть на любой рискованный поступок.

Дождавшись, когда всадники отъедут подальше, я направился в сад, не открыто, конечно, а ползком, по пожелтевшей от ярких лучей солнца траве. Трава высотой была всего в две ладони и росла не сплошным ковром, поэтому прежде чем переползти к другому травяному островку, я осматривался. Если всадники были далеко, переползал, а если они были рядом, лежал не двигаясь. Пока ползал, случайно измазался в конском навозе и теперь, от меня воняло как от навозной кучи. До самого сада добрался только с наступлением темноты, и пока охраны не было видно, смог набрать с земли два десятка упавших яблок. Сложил их в свою рубашку, от которой до сих пор пахло навозом, и пополз назад. Через некоторое время, когда сад остался где-то далеко позади в темноте, я встал и уже бегом отбежал ещё дальше.

Какого цвета были яблоки, в темноте понять было невозможно, они оказались твёрдыми и кислыми на вкус. Для меня уставшего и голодного, эти яблоки сейчас были самыми вкусными и самыми сладкими на свете. Я съел только половину из того что украл в саду, вторую половину оставил на утро, ведь утром мне надо будет чем-то позавтракать. В эту ночь я спал без костра, камни, что использовал вместо огнива, потерял где-то в саду.

На рассвете решил постирать свою одежду, чтобы от меня не пахло навозом на всю округу. Карамаш находился на берегу небольшой реки и проблем с водой для стирки, не было. Пока постиранная одежда сохла под лучами утреннего солнца, я съел оставшиеся яблоки. Сегодня, зелёные, незрелые яблоки, мне уже не казались самыми вкусными и сладкими, скорее наоборот, самыми кислыми и совсем не вкусными. Несмотря на это, я их всё равно съел,

понимая, что скорее всего, еды сегодня добыть уже не получится, по крайней мере до того момента, пока не попаду в город.

К тому моменту, когда моя одежда высохла, у городских ворот уже выстроилась большая очередь из крестьянских телег. Люди стремились попасть на городской рынок, чтобы там что-то продать или купить. Стражники проверяли каждую телегу, выясняя, кто и что ввозит в город. Наблюдая за проверкой, я увидел, что пеших путников проверяют не всех, а только тех, у кого были с собой корзины или мешки. На тех, у кого с собой вообще ничего не было, стража внимания не обращала.

Увидев это, я обрадовался, меня в город пропустят, ведь у меня же нет ничего кроме старого ножа, спрятанного в таком же старом сапоге. Сапоги, так же, как и штаны, достались мне от брата после того, как они ему стали малы.

Стараясь не показывать страха, я обогнул очередь из телег и спокойно прошёл в город. Лишь только после того, как стражники остались где-то позади у ворот, смог облегчённо выдохнуть, я наконец-то попал в Карамаш.

Что можно было сказать об этом городе, посмотрев на него и пройдясь по его улицам? Большой и грязный, улицы узкие, две телеги не везде смогут разъехаться, народа много, все куда-то спешат. Дома двух, а местами и трёхэтажные, торговые лавки на каждом углу. Я этого города сейчас немного боялся, не привык к такому количеству жителей.

Пока шёл по улице, разглядывая всё вокруг, меня чуть не затоптали копытами. Четыре всадника, одетых во всё чёрное, проскакали в сторону ворот, не обращая внимания на людей, идущих по улице. Через некоторое время по этой же улице, опять в сторону ворот, проехала закрытая карета с гербом на её дверях. Чей это был герб, с изображенной на нём головы волка, я не знал, но хорошо его запомнил, на всякий случай. Вскоре я добрался до городского рынка и долго стоял с открытым от всего увиденного там ртом. Такого количества торговцев сразу, я ещё не видел никогда, их тут было не меньше сотни. На рынке продавалось всё, начиная от старых башмаков и поношенной одежды, и заканчивая покрытых чёрным лаком карет. Рынок был огромным, почти как половина города Тернол, из которого я сбежал.

Также тут продавали и разного рода еду, мясо, рыбу, овощи, фрукты и ягоды. От такого разнообразия и запахов мой желудок сразу сжался, напомнив мне, что одними яблоками долго сыт не будешь. Денег у меня, разумеется, не было, а есть хотелось, и я решил, украсть. Что конкретно из продуктов украсть и где, ещё не решил, нужно было пройтись по всему рынку, чтобы определиться с выбором. Мясо свежее, копчёное, вяленое и солёное украсть, точно не получилось бы, оно висело на крюках за спинами торговцев у стен зданий. Рыбу и всякие там, фрукты и овощи, были более доступны, к ним я и стал присматриваться, прохаживаясь вдоль торговых рядов.

Спустя час смог украсть яблоко и грушу. Съел сразу, чтобы их у меня не нашли. Мне этого было мало, и я отважился, украсть кусок вяленой рыбы. Вначале всё было хорошо, на меня стоявшего недалеко от прилавка с рыбой, никто не обращал внимания, люди торговались, смотрели товар, нюхали и, если им нравилось, покупали. Дождавшись, когда торговец отвлечётся на очередного покупателя, я подошёл и стянул с прилавка половинку рыбины, длиной в мой локоть. Я даже успел с этим куском уйти, но, к сожалению, не далеко. Торговец обнаружил пропажу и поднял шум. Откуда взялись стражники, я так и не понял, также не успел понять того, как оказался на земле с приставленным к груди мечом. Меня поймали на воровстве, рыбу я выбросить не успел, да и делать это было бесполезно, свидетелей того, что я её нёс, было более чем достаточно.

Спустя час я уже сидел, за толстой и ржавой решёткой в городской тюрьме Карамаша. Тех, кто сейчас сидел за такой же решёткой здесь, было много, почти каждый час приводили кого-нибудь нового или старого, если он попадался уже не в первый раз. Никогда не думал, что смогу попасть в тюрьму, ведь я никогда ничего плохого никому не делал. Я украл потому, что

хотел, есть, а не потому, что хотел, таким способом обогатиться. Да, я поступил не хорошо, но ведь меня можно понять, голод заставил. Так я думал, сидя в тёмном углу, попутно слушая разговоры тех, кто сидел рядом. Как оказалось, я здесь такой не один, почти каждый второй был пойман за кражу. Незаметно вытирая слёзы, я слушал, о чём говорили такие же бедолаги как я.

В основном говорили те, кто оказался в тюрьме не первый раз, они не сильно переживали по поводу наказания. За кражу полагалось от десяти до тридцати ударов палкой, в зависимости от того, что украл. За убийство вешали или отрубали голову, это тоже в зависимости от того, кого убил.

– Эй, парень, ты тут за что? – спросил меня кто-то.

– Есть хотел, украл половинку рыбины, – признался я. Смысла врать не было, я же не убийца, чтобы отказываться от содеянного.

– У кого? Как торговец выглядел?

– Высокий, худой и рыжий, почти с краю рынка стоит, – пояснил я, вспомнив, как выглядел тот торговец, у которого я решился, украсть рыбу.

– Да, попал ты, наказание будет суровым, это же родной брат начальника городской стражи. У него воровать себе дороже.

– Я же не знал, в город только сегодня пришёл.

– Новенький значит, надо было у кого-нибудь спросить, прежде чем руки протягивать.

Больше меня ни о чём не спрашивали, а сам я просто не знал, о чём спросить, наказания-то мне всё равно было не избежать. Всю ночь просидел в углу тюремной камеры, не сомкнув глаз, к утру уже был готов умереть от собственного переживания. Зачем мне жить, если родным людям я уже не нужен, а чужим никогда нужен и не был.

Утром начался дождь, мелкий, предвестник скорого начала осени. Почти всех, кто находился в тюрьме, вывели на площадь перед зданием городской управы. Здесь обычно наказывали за мелкие преступления, головы отрубали в другом месте. Начальник тюрьмы стал называть имена и объявлял, какое человеку назначено наказание. Первому вору, попавшему в руки стражи вчера, выпало двадцать ударов палкой. Человека неопределённого возраста вывели из клетки, в которой мы все сидели и привязали к столбу, вкопанному в землю в самом центре площади.

Смотреть, как его бьют палкой, было страшно, после первых трёх ударов он начал кричать, а после пятнадцатого, только хрипел, на крик сил уже не осталось. После первого преступника получившего своё, к столбу привязали другого человека, и всё повторилось снова. Я не смотрел на то, как его бьют, не мог просто, закрыл руками уши, чтобы не слышать его крики. Не знаю, сколько я так стоял, но очередь дошла и до меня.

– За кражу дорогой рыбы, вор Кирит из Тернола наказывается пятнадцатью ударами, – начальник сделал паузу, посмотрев на толпу зевак, собравшихся, посмотреть на избиение. – Наказывается пятнадцатью ударами плетью, – продолжил начальник и толпа ахнула. Из толпы зевак послышались выкрики, что парень не выдержит столько, умрёт раньше, чем получит своё. Однажды я видел, как богато одетый всадник ударил плетью горожанина, замешкавшегося на дороге, и видел последствие одного такого удара. Понимая, что меня ждёт, я стал сопротивляться, когда меня стали вытаскивать из клетки. Стражники оказались сильнее и вскоре, я оказался у столба.

Плеть палача коротко свистнула и мою спину, словно обожгло огнём, я сжал зубы, стерпев боль, смог не закричать. Второй удар стерпеть уже не смог, крик сам вырвался из горла. После третьего удара огнём обожгло щёку, это кончик плети не попал по спине и ударил выше. Я кричал уже без перерыва, пока не охрип. Удары сыпались один за другим, боли я уже не чувствовал, перед глазами стоял кровавый туман, все звуки пропали кроме одного, свиста плети тюремного палача. Моё сознание поплыло, а потом и вовсе на какое-то время угасло. Позже

оно вернулось вместе с болью, меня куда-то несли, взяв под руки. Кто-то дотронулся до спины, её опять обожгло огнём, и я снова потерял сознание. Оно потом ещё много раз то появлялось, то пропадало вместе с болью, давая мне отдых. Память тоже частично отказывала, не позволяя запомнить, где я и что со мной. Помню, что полз куда-то, потом меня укладывали в крестьянскую телегу и куда-то везли по совсем даже не ровной дороге. Когда моё измученное болью сознание вернулось окончательно, не сразу понял, где сейчас нахожусь. Я лежал на животе, в доме, где сильно пахло сухими травами и рыбьим жиром. Попытка встать ни к чему не привела, у меня на это не хватило сил.

– О, очнулся, значит, выживешь, – слышался женский голос. – Сейчас воды дам, не дёргайся и на спину не ложись, все мои труды смахнёшь на пол.

Вскоре мне к губам подставили глиняную миску с водой. Вначале я не смог втянуть в рот воду, чтобы потом проглотить, я её лакал как собака или какой-нибудь другой зверь. Смочив немного горло, сделал первый небольшой глоток, потом ещё один и ещё, а потом у меня отняли воду.

– Хватит пока, пусть усвоится. Три дня без сознания лежал, а тут присосался словно здоровый, а не больной.

Кто говорил, я не знал, понятно, что женщина, но вот её лицо из положения, лёжа на животе, рассмотреть не смог. Через некоторое время мне ещё дали попить, только это уже была не вода, а травяной отвар. После этого отвара моё сознание поплыло и плавно угасло, на этот раз я просто провалился в сон, обычный сон без сновидений.

– Просыпайся, пора вставать на ноги, – меня погладили по коротко остриженным волосам. – Долго лежать тоже не полезно.

Я попытался встать, на этот раз сил для этого оказалось достаточно, но от каждого движения, в спине появлялась боль. Эту боль я мог стерпеть и, пыхтя как старый дед, опустил ноги на пол. Встал сначала на колени, а потом при помощи чьих-то рук смог встать уже на ступни. Только сейчас я увидел, кто мне помог встать, и кто лечил меня всё это время. Добрым человеком оказалась женщина неопределённого возраста с сединой в волосах, вот только до звания бабушки ей было ещё далеко.

– Как звать-то тебя? – слова звучали как-то странно для меня, словно она говорила не на родном языке, а на чужом. Держась за её руку, я внимательно посмотрел на её лицо. Смуглая кожа, ярко зелёные глаза, пара неглубоких морщин на лбу и шрам на подбородке. – Ты, что, забыл, как тебя зовут?

– Кирит, Кирит Рантан, – прохрипел я и закашлялся. Горло было сухим как пучки травы, развешанные по всему дому, в котором я сейчас находился.

– Кирит значит, это хорошо, что помнишь. Ты присядь пока, я за твоими штанами схожу.

Я осторожно опустился на кровать, с которой только что встал и осмотрел себя. Одежды на мне не было совсем, зато было много бинтов, пахнувших не очень приятно. Лицо у меня тоже было забинтовано и, потрогав его, я вспомнил, что со мной произошло. На глазах тут же появились слёзы, спину опять, словно огнём обожгло.

– Эй, руками себя трогать, я не разрешала, рано ещё, потерпи несколько дней, потом бинты снимем. – Женщина появилась рядом со мной неожиданно, я не услышал её шагов. – Вот твои штаны, сам сможешь надеть?

Я кивнул, взял штаны и надел, причём получилось далеко не с первой попытки.

– А, вы кто?

– Мирайя меня зовут, из города домой возвращалась, слышу, в кустах стонет кто-то, вот так я тебя и нашла. Думала, что ты уже не жилец на этом свете, а ты взял, да, и выжил. Теперь долго жить будешь, если, конечно, глупых поступков больше делать не будешь.

– Просто Мирайя?

– Да, просто Мирайя.

– Спасибо вам за то, что мимо не прошли и за то, что вылечили, – поблагодарил я и попытался встать.

– Сиди, тебя ещё никто не вылечил, это всего лишь начало лечения. Вот когда бегать сможешь, тогда и благодарить будешь, – Мирайя усадила меня обратно на кровать. Через некоторое время она мне выдала большую кружку с горячим мясным бульоном и заставила его выпить. Я вместо этого бульона хотел бы чего-нибудь нормального съесть, но мне было сказано, что пока нельзя, наслаждайся тем, что дали.

Через несколько дней я уже мог самостоятельно ходить. Спустя ещё несколько дней, Мирайя сняла с меня бинты, сразу все. Смотреть на себя было неприятно, всё тело было покрыто шрамами, оставленными плетью тюремного палача. По правой щеке от виска до носа, тоже протянулась тонкая розовая полоска шрама. Я потрогал щеку и поморщился, шрам ещё болел. На свою спину смотреть пока не отважился, ведь там таких шрамов должно было остаться пятнадцать, если палач не увлёкся и не добавил пару ударов сверху.

– Ничего, скоро всё окончательно заживёт, станешь как новенький или даже лучше. Шрамы украшают мужчин, – Мирайя улыбнулась и её собственный шрам на подбородке, сразу стал более заметным.

За почти две недели пребывания в её доме, я подробно всё рассмотрел. Обстановка в доме была более чем скромная, но всё что нужно для жизни, тут было. Во дворе своё небольшое хозяйство, то есть огород и живность, шесть кур, коза и лошадь. Сам дом – это скорее землянка, какие часто встречаются в деревнях. Находился дом в лесу, а если в лесу это означало, что до Карамаша отсюда далеко. Когда я шёл в этот город, такого леса как этот не видел. Где мы я у Мирайи не спрашивал, я сейчас просто жил у неё, стараясь помогать в меру сил. Сама хозяйка вообще как оказалось, очень загадочная женщина. Высокая, по сравнению с другими женщинами, очень подвижная, несмотря на то, что уже не молода, и какая-то гибкая, как змея. Не в том смысле, что изгибается как змея, а движения у неё были какими-то странными, начиная с походки. Она ходила быстро и бесшумно, я иногда пугался, не услышав, как она подходила и что-то спрашивала. Ей такая моя реакция доставляла удовольствие, и она после моего испуга долго улыбалась, но ничего не говорила.

Прошло ещё две недели, я уже окончательно выздоровел и помогал ей по хозяйству в полную силу. У Мирайи появилось свободное время, и она решила на пару дней уехать, оставив меня одного. Прежде чем она уехала, я всё-таки решился, спросить, где мы находимся, и её ответ меня немного удивил.

– Это Ритарский лес, день пути на запад от Карамаша, если ещё пару дней идти в этом же направлении, доберёшься до «Серых скал», ну, а за ними «Мелкое море», – пояснила Мирайя. Мне все эти названия вообще ни о чём не говорили, я о них никогда не слышал. Вскоре она уехала, я остался присматривать за домом и за хозяйством.

Два дня отсутствия Мирайи, дались мне тяжело, не потому что работы было много, а потому что, мне было одиноко. Я за прошедший месяц настолько привык к присутствию рядом с собой Мирайи, что стал считать её своей тётёй, которой у меня никогда не было.

– Как тут наше хозяйство? – спросила она, спрыгнув на землю и перепрыгнув при этом через борт телеги. Я был просто поражён, увидев это, никогда не видел, чтобы женщины вели себя, так как она.

– Всё хорошо, куры целы, козы живы, котелок уже над огнём.

– Вот и хорошо, помоги мешки с мукой выгрузить, пока дождь не пошёл, – она посмотрела на затянутое тучами небо. Мирайя была чем-то обеспокоена, но делала вид, что всё хорошо. Только мы успели перенести мешки в дом, появилась причина её беспокойства. Три грязных типа приближались к дому с разных сторон, и у одного из них в руках был заряженный арбалет. Два его товарища имели при себе только ножи и короткие дубинки. – Кирит, беги! – крикнула Мирайя, и первая напала на эту троицу. Я никуда не побежал, я вообще замер

на месте, не понимая, что произошло. Мирайя ближайшему бандиту ударила в нос открытой ладонью снизу-вверх, а во второго бросила нож. Откуда он у неё взялся, я не заметил, но попала она точно туда, куда и хотела, в горло ошарашенного атаккой женщины бандита. Щелчок арбалета вернул меня в реальность происходящего, и я увидел, как из плеча Мирайи выросло смертоносное древко арбалетного болта. От удара её развернуло и отбросило назад, к приоткрытой двери дома. Испуганный отпором бандит, дрожащими руками пытался зарядить арбалет, чтобы выстрелить в меня, стоящего неподвижно всего в нескольких шагах от него. Как в моих руках оказались деревянные вилы, я не запомнил, но через секунду они уже вошли в живот бандита до упора. Арбалет ещё раз громко щёлкнул, выпустив на свободу оперённую смерть. Болт улетел куда-то в сторону, не задев ни меня, ни лежавшую около дома Мирайю. С бандитами было покончено, они все были мертвы, а Мирайя была ранена и ей была нужна помощь.

Я с трудом занёс её в дом и положил на лавку, которая заменяла мне кровать. Мирайя оказалась достаточно тяжёлой, несмотря на внешне сохранившуюся стройность фигуры.

– Мы поменялись местами, теперь ты меня будешь лечить, – она как-то не весело улыбнулась. – Запоминай, что нужно делать, пока я не потеряла сознание, – её голос стал заметно тише.

Она говорила, а я внимательно слушал, что мне делать, какие травы заваривать для того чтобы очистить рану, какие мази взять на полке и что делать, если она будет метаться в бреду. Пока она говорила, я бегал по дому, собирая всё необходимое, и складывал это на стол. – Обхвати древко обеими руками и плавно потяни на себя, только не останавливайся, если кричать буду.

Спустя час я сделал всё, как она велела и сел возле кровати, на которой раньше лежал я, а сейчас лежала Мирайя. За следующие два дня, я почти не отходил от неё, если только покормить скотину и закопать трупы бандитов. Мирайя не металась в бреду, она просто бредила, что-то говоря шёпотом. Я не смог разобрать ни одного слова, говорила она на чужом для меня языке.

– Долго я уже лежу? – тихий голос Мирайи мгновенно лишил меня сна. Я в этот момент спал сидя на стуле возле неё.

– Третий день уже пошёл.

– Ты всё сделал, так как я велела?

– Да, в точности так, ничего не напутал.

– Молодец, значит я ещё поживу на этом свете. Дай мне попить.

С момента как она пришла в сознание, я старался впихнуть в неё как можно больше еды, считая, что от этого она быстрее поправится. Мирайя смеялась надо мной, но ела, и через два дня смогла, самостоятельно встать на ноги.

– У такого лекаря как ты, даже мёртвый встанет, – она потрогала плечо и поморщилась.

– Мирайя, скажи мне, кто ты? Хотя нет, не так, сначала я расскажу всю правду о себе, чтобы было по-честному.

Я коротко рассказал о себе, не называя имён отца и брата. За время моего рассказа, Мирайя ни разу меня не перебила вопросом, и, ни разу не улыбнулась.

– Да, жизнь у тебя была тоже далеко не сладкая. Хочешь знать, кто я? – уточнила она, а то вдруг я передумал. – Моё полное имя Мирайя Торгри, я лучница, десятник армии Нотингер, бывший десятник, бывшей когда-то армии.

Я уже слышал однажды о том, что жил когда-то не так давно некий граф Нотингер и воевал, вначале на стороне короля, а после уже против него. Король в той войне одержал победу, на этом мои познания об этом событии заканчивались. Узнав наконец-то о том, кто такая Мирайя, я на некоторое время впал в какое-то онемение. Не зал что сказать, просто сидел и

думал. Теперь всё можно было объяснить, и странные, неестественные для женщины движения Мирайи, и короткий бой с бандитами, и большие познания в лечении всевозможных ранений.

– Если ты такая хорошая лучница, почему ты сидишь здесь, в лесу, одна?

– Прячусь, неужели непонятно? Король за голову лучника Нотингер давал пять золотых крон, но только за обычного, а я десятник.

– Да, но война же давно закончилась, – я пока не понимал в чём проблема. После той войны много солдат осталось в живых, никто за ними не охотился.

– Один королевский лучник за время сражения, в среднем подсчёте, убивает до десяти солдат. Лучник графа Нотингер убивал до пятидесяти, разницу чувствуешь? Вот так вот, мой десяток положил в том сражении больше пятисот солдат короля, представь, как после этого король нас ненавидел. Я вообще-то думала, что ты раньше сам догадаешься, кто я. Не имея, лука, как бы я выжила в лесу одна.

– А, меня научишь? – сказал я первое, что пришло в голову.

– Чему?

– Из лука стрелять, ну, и драться, конечно, видел я, как ты бандитов уложила.

– Да, кого я там уложила, тюфяки, старая я уже, чтоб руками и ногами махать как в молодости.

– Не старая ещё совсем, – попытался я подбодрить Мирайю, на что она только улыбнулась.

Лечение Мирайи, затянулось на долгих два месяца. Лето давно закончилось, осень тоже подходила к концу, вскоре должен выпасть первый снег. Мирайя не спешила с началом моего обучения, хоть я и напоминал ей об её обещании почти каждый день. В один прекрасный день я её всё-таки добил своим нытьём, и она достала из своего тайника лук, стрелы и перчатки лучника.

Я боялся взять в руки её лук, потому что это был самый дорогой и самый необычный лук какой я только видел, а видел я их достаточно много, как охотничьих, так и боевых. В Терноле жил мастер лучник и я иногда заглядывал в его лавку, чтобы посмотреть на луки и стрелы. Луки им изготовленные, стоили дорого, но они и в сравнение не шли с тем, что я видел сейчас. Лук Мирайи был разборным, он делился на три части и помещался в обычную сумку, какую носят, перекинув через плечо. Стрелы тоже были не такими, какие я видел в лавке мастера. Ровные, длинные и чёрные, оперение красное, я даже не знал, что птицы с таким ярким оперением бывают.

– И чего ты на него так вылупился, лук ни разу не видел?

– Такой нет, странный он, – я осторожно его взял в руки и сразу ощутил его мощь, это был настоящий боевой лук.

– Это лук графа, он мне его подарил за точную стрельбу. Таких луков было всего три, остался один этот.

– С таким луком можно любое состязание выиграть, – я был восхищён качеством этого оружия.

– На плаху можно угодить, а не состязание выиграть.

Осмотрев лук со всех сторон, я потянулся за стрелой, но получил по рукам, стрелять мне, пока было запрещено. Вместо того чтобы научиться стрелять, я почти месяц занимался только тем, что оттягивал тетиву и держал её в таком положении, пока руки не начинали дрожать. За этот месяц Мирайя собственноручно сделала два десятка стрел, ну, и меня заодно научила, их делать. Эти стрелы уступали качеством чёрным, но тоже были хорошими. Наконечников, к сожалению, у неё в запасе не было, вместо них поставили камни, для моего обучения и такие наконечники тоже подойдут.

К концу зимы я немного научился, стрелять, в мишень попадал девять раз из десяти. Моё мастерство с выстрелами Мирайи сравнивать было просто смешно, она стреляла как бог,

попадая точно в центр мишени с любого расстояния. Я восхищался её умением, на что она заявляла, что эльфы всё равно стреляют лучше. Откуда она это знает, Мирайя не сказала, она вообще мало рассказывала о своей прежней жизни. Я старался, разговорить её, чтобы узнать больше не только о ней, но и о графе Нотингер, но у меня так ничего и не получилось.

Как-то не заметно наступила весна, снега с каждым днём становилось всё меньше и меньше. Я заметно подрос и окреп за зиму, и теперь уже не был похож на того тощего и голодного доходягу, каким был до появления в моей жизни Мирайи. Она научила меня не только стрелять из лука, но и драться. Насколько хорошо научился, я не зал, так как проверить было не на ком. Бить женщин было не хорошо, а таких как Мирайя, ещё и опасно, обидится и потом так наступит, что мало точно не покажется.

Однажды, когда землю начала покрывать молодая, зелёная травка, к нам пожаловал гость. Это был мужчина приблизительно того же возраста, как и Мирайя, звали его Чарес. Я никогда его раньше не видел и даже не знал, о его существовании, но вот он обо мне оказывается, уже многое знал. Гостил он у нас не долго, а после того как уехал, Мирайя сказала, что нам нужно уходить и как можно быстрее. Уходить в разные стороны, так нас будет сложнее найти, точнее её одну без меня будет сложнее найти. Охотились же за ней, а не за мной, я-то никому не был нужен, какой смысл ловить меня. Я попытался узнать, куда она пойдёт, чтобы потом попробовать найти, но ответа не получил.

– Кирит, тебе не зачем прятаться, поэтому бери кур и козу, и иди в сторону Карамаша, вот по этой дороге, – она показала, куда мне идти. – Приблизительно в полдень доберёшься до мельницы, мельник человек добрый сможешь у него какое-то время пожить. За проживание заплатишь курами и козой. Вот тебе немного денег на всякий случай, только не показывай никому, что они у тебя есть. Всё, собирайся и иди. Я уйду прямо сейчас.

Мирайя собралась в дорогу быстро, оседлала свою лошадь и вскоре оставила меня одного. Я, честно говоря, был расстроен её бегством. Повстречав Мирайю, мне казалось, что моя жизнь наладилась, я обрёл новый дом, а тут раз, и всё, опять остался ни с чем. Была мысль, остаться здесь, в её доме, но я не решился, она же прямо сказала, что нам обоим нужно уходить.

Я собирался в дорогу тоже не долго, вещей с собой много брать не стал, мешать только будут. Кур у нас оставалось только три, в мешке все поместились, а коза и сама за мной пойдёт, никуда не денется.

До мельницы я добрался только к вечеру, коза быстрее идти не хотела, травки много свежей на пути попадалось, как же мимо неё пройти, чтобы не попробовать.

Глава 3

Мельница находилась на берегу ручья, жернова приводились в движение потоком воды. Рядом с мельницей стоял дом мельника и пара сараев, один для скота, второй для кормов, то есть для сена, чтобы оно под дождём не намокало. Мельник был дома и я, оставив кур и козу во дворе, простучал в дверь. Через некоторое время послышалась тяжёлая поступь уставшего человека.

– Кого там нелёгкая к ночи принесла? – дверь открылась, и на пороге появился хозяин мельницы. Среднего возраста и роста, в меру упитанный, с бородой и лысый.

– Добрый вечер, меня зовут Кирит, мне сказали, что я у вас могу пожить некоторое время, заплачу вот этим, – я показал на мешок с притихшими курами и козу, усердно поедающую зелёную травку во дворе дома мельника.

– Кирит, Кирит, а это ты тот парень, что у отшельницы Мирайи жил?

– Да.

– А сама она где, померла что ли?

– Нет, просто ей пришлось уехать на несколько месяцев, неотложное дело появилось.

– Сбежала всё-таки ведьма старая, – мельник как-то странно покачал головой, словно расстроился, что больше её не увидит. – Звать меня Тард, – я вздрогнул, услышав имя как у моего отца. – Сейчас уже тепло, поэтому ночевать на сеновале будешь. Дочку мою обидишь, удавлю, понял? – я, молча, кивнул. – На работу не опаздывай.

Я открыл рот, чтобы спросить о какой работе он говорит, ведь я за скромное проживание заплатил курами и козой, но мельник опередил меня с вопросом.

– Это за ночлег, а на обед нужно будет заработать, – Тард мельник закрыл дверь и оставил меня на дворе. Деваться мне было некуда, я поплёлся в сарай, загнал внутрь кур и козу, потом пошёл на сеновал спать. Я, в общем-то, и не надеялся, что трёх кур и одной козы хватит, чтобы ими заплатить за ночлег и скромный обед на пару месяцев, но как-то не думал, что мне об этом скажут таким тоном. Тард мельник соврал, на сеновале спать было холодно, пришлось закопаться в сено глубже и дышать через дырку размером с кулак.

Разбудили меня рано, даже ещё солнце не вышло на небо, и сразу же загрузили работой. Покормить дворовую живность, почистить за ней, принести воды в дом и всё это я должен был сделать быстро, пока жена мельника готовила завтрак. Готовила она его, конечно, не мне, а себе, то есть семье мельника. Мне на завтрак достался лишь кусок вчерашнего хлеба и кружка молока. Я если честно сказать и этому был рад, хоть голодным не остался. После завтрака Тард направился в мельницу, и я, конечно же, пошёл с ним, основная работа была там. До обеда подносил ему мешки с зерном, после обеда просеивал муку и засыпал её в освободившиеся мешки. Потом чистил жернова, подметал пол и шёл кормить дворовую живность.

В такой последовательности я проработал месяц, мельник был мной доволен и даже стал кормить лучше, на обед иногда было мясо. С дочерью мельника, звали её Триш, и было ей четырнадцать лет, я старался не встречаться, чтобы не навлечь беды на свою голову. Я-то старался, избегать встречи, а вот она как раз упорно ко мне лезла. Всё бы ничего, но дочь мельника страдала слабоумием и иногда вытворяла такое, за что меня мельник убил бы, если бы это делал я. Она подбегала ко мне и задирала подол своего платья до шеи, а так как под ним из одежды не было ничего, я видел всё. Тело у Триш выросло, а вот разум остался как у трёхлетнего ребёнка. Не зная, что с ней делать, я об этом рассказал мельнику. Он мне не сразу поверил, а лишь после того, как проследил за своей дочерью. После этого, я две недели её не видел, но вскоре всё вернулось в прежнее русло, только теперь она ещё и ночью пыталась меня найти. Пришлось закрывать дверь сарая, в котором спал, изнутри подперев её вилами.

– Кирит, сегодня ты муку заказчику в Карамаш отвезёшь, я что-то плохо себя чувствую, – мельник тяжело дышал и не смог поднять мешок с мукой, чтобы положить его на телегу. Глаза у него были в кровавых точках, по лицу крупными каплями стекал пот, а руки дрожали. В Карамаш после того что там со мной произошло, мне возвращаться не хотелось, страшно было. Если я там с тем торговцем рыбы встречу, и он меня узнает, что со мной будет? Рассказать об этом мельнику, я не мог и согласился.

– Кому я её должен отвезти?

– В квартале кожевников есть лавка булочника, зовут его Сит, маленького роста и толстый, не бойся, ни с кем не путаешь, он один там такой. Отдашь муку, возьмёшь деньги, он должен за эту муку одну серебряную крону. Как только получишь деньги, сразу возвращайся, иначе украдут, воров сейчас много стало.

Когда Тард сказал, что сейчас воров много стало, у меня по спине пробежала струйка холодного пота, ведь я тоже был вором и получил за это пятнадцать ударов плетью. Мельник видел мои шрамы, но он даже не догадывался, как я их получил, точнее за что, ведь воров обычно палкой били, а после неё таких отметин не остаётся. Получив еды в дорогу, я отправился в Карамаш, хотя вместо меня должна была ехать жена мельника. Она отказалась ехать, побоялась оставлять больного мужа под присмотром Триш, за ней самой присмотр был нужен.

Из-за того, что с утра пришлось задержаться, муку-то я один грузил, в Карамаш приехал только вечером. Лавку булочника нашёл не сразу, вывески над входом в лавку не было. Телегу опять пришлось мне одному разгружать, булочник руку повредил, и помогать отказался. Получив деньги за муку, я поспешил назад, в последний момент, успев выехать из города. Ворота уже собирались закрывать, а после того как их закроют, за выезд придётся заплатить вдвое больше чем за въезд. Я так сильно спешил обратно к мельнику, что не заметил яму на дороге, и телега лишилась одного колеса.

– Тард меня убьёт, – подумал я и вздрогнул, вспомнив отца. Он тоже хотел меня убить и его тоже зовут Тардом как мельника. Я попытался починить колесо, но, не имея с собой никакого инструмента, сделать этого не смог. Колесо было переднее, а они поворачивались, без одного не уедешь. Попытался снять заднее и поставить его вперёд, но и этого не смог сделать, у телеги мельника оси были разной толщины, передняя оказалась толще. Пока пытался отремонтировать телегу, наступила ночь, а сидеть у дороги, имея чужие деньги, опасно, ограбить могут. Пришлось выпрягать лошадь и уже верхом на ней возвращаться к мельнику.

Боясь того, что в темноте ещё и лошадь может повредить ногу, ехал не спеша, мне за телегу-то попадёт, а уж за лошадь меня Тард точно убьёт. До мельницы добрался на рассвете и долго не мог поверить в то, что увидел. Дом мельника догорал, ворота сарая, где я жил, были открыты, возле них лежало голое и истерзанное тело Триш. Самого мельника и его жену я не нашёл, но крови и следов боя около дома было много. Я хотел бежать за помощью, но потом решил, что нужно сначала всё-таки попробовать найти мельника или его жену. Взяв с собой топор, отправился по следам, оставшимся на земле от ног нескольких человек. Следы вели в сторону дома Мирайи и их оставили не ноги мельника, а кто-то другой, размер был меньше и шли двое, один был ранен, капли крови остались на траве. Я шёл по следу как зверь, останавливался, прислушивался, принохивался и шёл дальше. Вскоре нашёл одного из тех, кого преследовал. Это был молодой мужчина одетый довольно хорошо, но было видно, что одежда принадлежала не ему, она была на два размера больше. Мужчина был мёртв, но умер он не от колотой раны живота полученной ранее, его добила ударом в сердце.

Я стал вдвое осторожнее и шёл по лесу так, как учила Мирайя, смотрел под ноги и не задевал веток. После того как нашёл труп, с дороги я сразу же ушёл и к дому Мирайи подошёл с другой стороны. В доме сейчас кто-то был, из трубы шёл дым и ещё я слышал голоса. Говорили двое, один из них всё время ругался, требовал свою долю. Я хотел запереть дверь снаружи, чтобы они не смогли выйти и после, поджечь дом, но как только я подошёл ближе,

из дома вышел тот, кого я увидеть здесь, не ожидал. Это был рыжий торговец рыбой из Карамаша, тот самый, из-за которого у меня теперь вся спина покрыта шрамами. Он увидел меня и хотел позвать своего подельника, но не успел, я бросил в него топор. Попал по рёбрам, но топор не воткнулся, а разворотив ему бок, улетел в кусты. Рыжий сказал – ох, – и, схватившись за пострадавшее место, упал на колени. Через мгновение из дома выскочил второй человек, увидев меня и своего рыжего друга с окровавленным боком, он сразу же выхватил нож. У меня в руках ничего не было, поэтому подельник рыжего торговца безбоязненно направился ко мне. Я хотел убежать, но вспомнил уроки Мирайи и ударил его первым, снизу-вверх открытой ладонью в нос.

Бандит не ожидал этого и, закрыв лицо руками, закричал.

– Ах, ты, сучонок, ты мне нос сломал, – пока он не оправился от моего первого удара, я ударил снова, только теперь ногой и в колено. Послышался хруст, и он закричал ещё громче. Этим двух нужно было добить, чтобы потом не получить от них ответный удар, но я почему-то не смог взять в руки нож или топор. Когда убиваешь врага в бою, как я, например, убил человека с арбалетом, – это одно, а когда вот так, добить лежачего, – это совсем другое, тут нужно к этому быть готовым. Возле дома Мирайи был тайник, в котором она прятала свой лук, туда мы положили доставшийся нам арбалет. Мирайя ушла, забрав лук, но арбалет оставила. Я его не трогал до сегодняшнего дня, не нужен он был, да и вещь уж больно приметная. Сейчас я достал его из тайника и с расстояния решил добить бандитов. Арбалетных болтов было всего три, на двоих точно хватит, даже ещё и останется. Пока ходил за оружием, рыжий торговец рыбой сбежал, правда, ушёл недалеко, вскоре я его догнал, предварительно пристрелив его друга.

– Далеко собрался-то? – я вышел на дорогу, по которой он шёл.

– Что тебе от меня надо, я же ничего тебе не сделал.

– Ага, совсем ничего, но это только сейчас. Помнишь голодного мальчишку, который украл у тебя рыбу, потому что есть, хотел? – напомнил я. Рыжий меня сразу же узнал и побледнел. – Что, не ожидал увидеть меня живым? Если крадут у тебя, ты убиваешь, а если крадёшь и убиваешь ты, то тебя наказывать нельзя. Так, по-твоему, должно быть?

– Это же не я тебя бил, я-то тут причём?

– Точно, ты же ни в чём не виноват, начальник тюрьмы тебе не брат, ты его вообще не знаешь.

Рыжий сразу понял, что я всё знаю и попытался подойти ко мне ближе, намереваясь, напасть с ножом, но я этого не позволил, выстрелил и попал ему, в сердце. Спустя несколько мгновений после того, как я убил торговца, меня стошнило, потом ещё раз и ещё. Через некоторое время, когда в моём желудке уже совсем ничего не осталось, я отважился обыскать труп и вытащить стрелу. Арбалетные болты нужно беречь у меня их всего три и достать ещё, я вряд ли смогу. У торговца почти ничего не было, мешочек для денег, в котором было сорок медных крон и нож. Нож был хороший и дорогой, думаю, что такие ножи далеко не у всех есть. Для бандита ограбившего мельника, такая мелочь при себе была подозрительной, и я решил осмотреть дом Мирайи.

Возле дома лежал ещё один труп бандита и мне пришлось повторить то, что я сделал с рыжим, то есть забрать арбалетный болт и обыскать. У этого бандита при себе вообще ничего не было, ну, кроме ножа, разумеется, которым он меня хотел убить. Всё награбленное нашлось в доме, два полных мешка. Я вытряхнул содержимое на пол и посмотрел на то, что они взяли у мельника. В основном это была одежда, как самого мельника, так и его жены. Среди одежды я нашёл кинжал, рукоять которого была украшена золотом и драгоценными камнями, мешочек с двадцатью серебряными и сотней медных монет, два серебряных перстня с красным и зелёным камнями, и очень хорошее огниво. Всё это богатство сложил обратно в мешки и спрятал их в тайнике, туда же положил арбалет, и все ножи которые только смог найти, нашлось четыре

штуки. Спрятав всё, отправился обратно к дому мельника, точнее к тому месту, где он ещё вчера был. Нужно было похоронить Триш и забрать лошадь, она сейчас осталась без хозяина. Ещё нужно было что-то делать с курами, козой и двумя свиньями. Забирать их себе, я не хотел, они мне только мешают будут, ведь я после собирался, уходить отсюда и как можно дальше. Лошадь мне в этом поможет, а вот другая живность только замедлит моё бегство. Да, я собирался сбежать, так как доказать, что я к нападению не причастен, не смогу. Увидев мою спину, все подумают, что я был заодно с бандитами. Даже их трупы не помогут мне доказать, что я не с ними, скажут, что мы таким образом делили награбленное.

Хорошо, что я шёл медленно и успел спрятаться, увидев, стоящих возле сгоревшего дома несколько человек. Это были крестьяне из соседней деревни, привезли зерно для помола. Теперь мне тут уже было нечего делать, Триш похоронят без меня. Жаль, что лошадь не успел взять, мне пешком далеко не уйти.

Спустя некоторое время вернулся к дому Мирайи и забрал из тайника всё самое необходимое для того, чтобы попытаться выжить в лесу. Получился полный мешок, так как я забрал всю зимнюю одежду, лето же скоро закончится, а там и зима не далеко. Ещё я, как бы ни противно мне, было, снял с друга рыжего торговца сапоги. Они были у него добротные, новые и почти моего размера, чуть-чуть больше оказались. Бандитов я хоронить не стал, просто оттащил подальше от дома и спрятал, завалив ветками.

Пока я с этим всем возился, наступила ночь, и я остался в доме Мирайи до утра. С рассветом отправился в путь, решил идти на восток, там, по рассказам Мирайи, было проще спрятаться. На востоке королевства много леса, холмы, горы, ещё дальше на самой границе, собачье ущелье, за ним крепость Нотингер. Дальше за крепостью находились мёртвые земли, а если точнее, пустошь Пасатора. Там вообще никто не живёт, слишком опасно, монстров и всяких ловушек много, в том числе и магических, ещё оставшихся после тысячелетней войны.

Через день я пересёк королевский тракт и вышел к реке. Река не широкая и не глубокая, но, чтобы переправиться на другой берег, пришлось сделать плот. Днём перебраться на другой берег не решился, здесь в это время часто появлялись рыбацкие лодки и меня могли заметить. Показываться кому-нибудь на глаза, не хотелось, я ещё боялся того, что меня могут искать, подозревая в убийства семьи мельника. Мой мешок с его вещами сразу даст понять, что я причастен к ограблению и убийству. Дождавшись ночи, спустил на воду плот и, стараясь не шуметь, переправился на другой берег.

Всю ночь двигался на восток, стараясь отойти от реки как можно дальше. На рассвете решил, что пора остановиться на отдых. Проспал до полудня, потом отправился на охоту. Рассчитывал, что охота в этих безлюдных местах не займёт много времени, но в итоге смог добыть одного зайца только к вечеру. Пока освеживал, пока зажарил, стало темно, а после того как я наконец-то наелся, идти уже никуда не хотелось, заночевал там, где остановился. Утром начался дождь, и идти дальше пришлось по мокрой и скользкой траве. Совмещая охоту с отдыхом, я двигался вперёд десять дней. Людей за это время не встретил, но вот следов от копыт и колёс на дорогах, которые я пересекал, было предостаточно. Идти по их следам и искать себе новый дом, я сейчас не хотел, мне мельника было достаточно. Я не то чтобы работы боялся, просто там, где я пытался жить, всегда случались неприятности, Мирайя в итоге сбежала, а семью мельника вообще убили. У меня складывалось ощущение, что я проклят и обречён на одиночество.

Местность постепенно менялась, я поднимался выше, словно лез в гору, только у этой горы склон был пологим и каким-то нескончаемым. Стало появляться больше холмов, как маленьких, так и больших, все они были покрыты густым лесом. Иногда этот лес представлял собой непроходимую чашу и эти места, мне приходилось обходить. На берегу маленького ручья, где решил остановиться на привал, нашёл человеческие кости, ну и некоторые вещи, принадлежавшие ранее хозяину этих костей. Кости были ещё свежими и обглоданы зверем,

поэтому определить, как погиб этот человек, я не смог. Его вещи ещё не превратились в труху и оказались вполне пригодны для дальнейшего использования. Из всех вещей, что я нашёл, меня порадовал бронзовый котелок и такая же бронзовая ложка. В котелке лежал мешочек с солью и вот этой соли я обрадовался даже больше, чем самому котелку. Собрав всё ценное, решил, что здесь на привал останавливаться не стоит, мало ли, вдруг и на меня зверь нападёт, защищая свою территорию. Пройдя ещё на восток несколько часов, я наконец-то выбрал себе место, где остановлюсь и уже не на привал. Я собирался перезимовать в этих местах и уютное место возле маленького водопада, мне показалось очень подходящим для этой задачи.

Первое с чего я начал подготовку к зимовке – это с постройки жилища. Строил по принципу дома Мирайи, выбрал для этого совсем маленький овраг, даже не овраг, а скорее яму на склоне холма. Выровнял стены и обложил их брёвнами, поставив их почти вертикально. Крышу тоже сделал из брёвен и засыпал сверху землёй, в крыше оставил дыру, в которую будет выходить дым. С дверью мучился долго, петли сделать было не из чего, поэтому моя дверь пока просто приставлялась как щит. Первый же день проживания в своём доме, показал на все недостатки, о которых я не подумал во время постройки. Мне потребовалась труба, так как дым уходил в дыру плохо, а ещё мне пол тоже надо было брёвнами выложить, чтобы теплее стал. Хорошо, что у меня был топор, иначе дом я бы себе никогда не построил.

Спустя месяц после начала строительства, я получил то, что хотел. Сухое и тёплое помещение, в центре которого горел костер, и дым от него хорошо выходил наружу сквозь деревянную трубу. До осенних холодов оставалось около двух месяцев, и я занялся заготовками. Собирал травы, ягоды, иногда находил грибы, из чего сделал вывод, что двигался я не строго на восток, а немного севернее, на юге грибы не росли. Сделал запас сухих дров и настрогал лучины, чтобы использовать её вместо свечей.

Как-то незаметно наступили холода и выпал первый снег. С одной стороны, это было плохо, холод будет только усиливаться, но с другой – охотиться стало легче, следы на снегу лучше видны. За несколько месяцев у меня накопилось почти два десятка заячьих шкур, хорошо очищенных и просушенных. Я хотел сшить себе одежду из них, но не смог, ниток не было, а тонкие полоски кожи для сшивания, рвали шкуры. В итоге часть шкур пошла на постель, а часть на одеяло. По ночам, когда костёр уже не давал достаточно тепла, приходилось вставать подкладывать дров и опять ложиться спать до утра.

Однажды отправившись на охоту, обнаружил следы кабана и подумал, что его мяса мне хватит надолго. Решил его убить и стал готовиться к охоте, кабан зверь опасный, ошибок охотнику не прощает. Сделал себе пику, прикрепив вместо наконечника один из ножей, проверил арбалет и достал последний болт. Этот единственный выстрел может обеспечить меня мясом на пару месяцев, главное не промахнуться.

Два дня я просидел в засаде, прежде чем кабан появился. На моё счастье он был один, но большой и один единственный арбалетный болт мог его не убить, а только ранить. Если кабан поймет, откуда прилетела смерть, мне потом будет худо. Одиночка секач почти как волк, будет ждать под деревом, пока я не слезу или не упаду, от потери сил. Я дышал через раз, боясь спугнуть кабана, второй попытки у меня может и не быть. Когда он приблизился достаточно близко к тому месту, где я сидел, я выстрелил. Видел, что попал в него, но не убил, кабан, получив рану, обезумел и побежал, не разбирая дороги. Он мог вернуться, охотники рассказывали, что такие случаи были, поэтому я ещё некоторое время просидел на дереве, прежде чем идти искать его и попытаться добить.

Кабан убежал далеко, но по следам крови на снегу, я его нашёл. Он ещё был жив, несмотря на большую потерю крови, и сил после быстрого бега. Мой арбалетный болт застрял в его шее, попав туда почти вертикально. Я не знал, что будет делать кабан, отдохнёт и побежит дальше или вскоре упадёт, лишившись сил. Решил не ждать и добить его, пока он не убежал.

Ходил кругами вокруг лёжки кабана, не решаясь приблизиться и вонзить в его тело своё самодельное копьё. Стрелять мне было нечем, и я не придумал ничего лучше, как метнуть в кабана копьё, а потом уже посмотреть, как он себя будет чувствовать. Я метнул копьё, попал, а потом побежал от кабана на пределе своих сил, так как он погнался за мной. Петля между деревьев, не оборачивался и на ходу, искал дерево с раздвоенным стволом, собираясь обороняться, используя его как укрытие. Вскоре я такое дерево нашёл и наш поединок продолжился. Кабан вслед за мной между стволов пролезть не мог, он там застревал. Я этим пользовался, бил его топором, удары у меня получались не сильными, но он их получил много. Через какое-то время почувствовал, что ещё немного и вместо кабана от потери сил упаду уже я, но произошло чудо, он в очередной раз застрял между стволов, где и умер. Поняв, что победил, я наконец-то смог отдышаться и осмотреться по сторонам, не хотелось увидеть поблизости ещё одного кабана. Второго не увидел, но и белого снега я тоже не увидел, всё вокруг было залито кровью.

Кабан оказался настолько тяжёлым, что я его не смог вытащить из промежутка между стволов, пришлось рубить на куски. Потом сделал волокушу, погрузил на неё свою добычу и отправился домой. Добрался с наступлением темноты и прежде чем завалить мясо льдом, решил отдохнуть, от усталости меня уже ноги не держали. Отдых продлился недолго, я успел только отдышаться и попить воды. Гостей конечно же, не ждал, но они явились без приглашения, для того чтобы отнять у меня добычу.

Два волка подходили к дому с разных сторон и не выпускали меня из поля зрения. Их привлек запах крови, которой на снегу осталось много. Самое плохое, что сейчас было – это то, что я не мог спрятаться внутри своей землянки, дорогу мне туда уже перекрыли. Из оружия у меня оставались при себе только топор и нож, против волков этого было явно недостаточно. Убежать от них, я точно не смог бы, охота забрала много сил, пришлось выкручиваться из сложившегося положения. Я попытался отвлечь волков, отбрасывая подальше куски кабанины, но волки на это не повелись, им был нужен я.

Молодого волка я почти сразу вывел из строя, бросив в него топор, повредил ему лапу и сейчас он скулил в десяти шагах от ручья. Со вторым волком дело обстояло гораздо хуже, это был матёрый зверь, на его теле шрамов было не меньше чем на мне, и он просчитывал каждый свой шаг. Оставшись лишь с одним ножом, я тоже не спешил нападать и медленно стал двигаться к кабаньей туше. Рядом с ней лежал обломок моего копья с лезвием от другого ножа. Имея в руках два острых куса стали, можно значительно улучшить шансы на выживание. Когда до обломка оставалось сделать пару шагов, я прыгнул к нему, но и волк тоже прыгнул. Мы столкнулись в тот момент, когда в моей правой руке оказался обломок копья, и я тут же ударил им волка в бок. Он от удара вывернулся и схватил меня за бок, как раз под правой рукой. От боли я выпустил обломок, схватил волка за загривок и ударил ножом с другой стороны, потом ещё раз и ещё. Я бил его ножом до тех пор, пока его хватка не ослабла. Он из последних сил попытался схватить меня за горло, но уже не смог дотянуться. Вздрогнув, волк навалился на меня всем своим весом и уже мёртвым. Сбросив волчью тушу с себя, я с трудом смог встать, бок, словно обожгло раскалённым металлом, от боли темнело в глазах. Приложив ком снега к своей новой ране, направился в дом, нужно было рану промыть и перевязать. Да и самому тоже помыться не помешало бы, я был весь в крови, как волчьей, так и своей, местами ещё и кабанья осталась.

Как я это всё делал, в памяти не отложилось, единственное что помнил, как отрезал кусок мяса от кабана и жарил над углями. Костёр я развёл сразу, как только вошёл в дом, от него было и светло, и тепло. Когда пришёл в сознание, в доме уже было и холодно, и темно, мне сильно хотелось пить. Прилагая невероятные усилия, добрался до запаса воды, половину пролил, но попить всё-таки смог. Самочувствие стало немного лучше, голова начала нормально соображать. Снова разжёл костёр, и при свете осмотрел рану. В одном месте она стала нагна-

иваться, но в целом всё было не так плохо, как я думал. Гнойник вскрыл и ещё раз промыл рану крепким отваром нескольких трав, состав Мирайя подсказала. После обработки захотел, есть и, закутавшись в заячье одеяло, пошёл за мясом.

За дверью была ночь, туши кабана и волка лежали там, где я их оставил и уже промёрзли до состояния куска льда. Второго волка, подраненного мной, нигде видно не было, чему я был очень рад. Сейчас я был не в состоянии не то чтобы от волка, а даже от белки отбиться. Отколов кусок мяса от кабаньей туши, вернулся в дом и сразу подвесил его над огнём, пусть будет подгоревшим лишь бы съедобным. Пока мясо жарилось, сделал отвар из трав и ягод, приготовив, выпил половину, остальное оставил на потом и прилёг, меня трясло от поднявшейся температуры тела.

Когда я в очередной раз проснулся, в доме опять было холодно и темно, но чувствовал я себя уже гораздо лучше. Рваная рана упорно не желала зарастать и продолжала гноиться в одном месте. Весь бок был синим и опухшим, пришлось опять вскрывать гнойник и вычищать основательнее. Мясо, подвешенное над костром, сейчас было похоже на кусок мёрзлой земли, но внутри оказалось вполне съедобным.

Десять дней я закачивал рану и отъедался мясом кабана, с волка снял шкуру. Теперь она исполняла роль коврика на полу возле моей кровати из тёсаных брёвен. Дни стали длиннее, зима подходила к концу, холода постепенно отступали под натиском солнца, светившего всё ярче и ярче с каждым днём. К тому моменту, когда снег начал таять, я достаточно окреп и решил, поохотиться на зайцев, кабанье мясо уже просто в горло не лезло, правда, его и осталось уже совсем мало. К полудню поставил семь ловушек, а по дороге назад, наткнулся на волчий труп, это был тот самый волк, которому я отрубил лапу. Не смог он выжить, получив такое увечье, волка ведь ноги кормят, а я лишил его одной. Арбалет я тоже нашёл, он остался на дереве, там, где я сидел, ожидая появления кабана. Единственное что я пока не смог найти – это топор, он сейчас лежал где-то под снегом, и до весны его найти не получится, а жаль, ножом много дров не заготовить.

Время шло, наконец-то пришла весна, снег стремительно таял, появилась первая зелёная травка, нашёлся топор и жить мне, стало чуть-чуть легче. Кабанье мясо давно закончилось, количество зайцев в лесу заметно убавилось, за ними приходилось уходить всё дальше и дальше от дома. Иногда в лесу видел кабаньи следы, но выйти против этого зверя ещё раз, я не отважился, мяса мне пока итак хватало, правда, заячьего. Следов волка пока не встречал, чему был очень рад. Мне последней встречи хватило с лихвой, шрам от волчьих зубов ещё иногда напоминал о себе тянущей болью. Одним словом, всё было хорошо, вот только одиночество на меня с каждым днём давило тяжёлым камнем. Когда снег в лесу полностью растаял, я решил, отправиться на юг. Попытаться в очередной раз, найти себе место среди людей, да и с едой там дело обстояло гораздо лучше, чем в лесу.

Спрятав свою землянку под кучей срубленных веток и собрав вещи, ещё до восхода солнца двинулся на юг. Сейчас мне идти было проще, чем осенью, я уже хорошо умел добыть себе зверя и голодным остаться не боялся. Совмещая охоту с отдыхом, я две недели двигался на юг, пока не вышел к людям. Это был довольно большой посёлок, расположившийся на перекрёстке нескольких дорог. Я был так рад увидеть людей, что готов был обнять первого встречного, но сдержал свой порыв и спокойно вошёл в посёлок. На меня смотрели с опаской, как на дикого зверя, ведь я за время пути стал грязным, а жизнь в лесу сделала мой взгляд таким же холодным как у волка.

Первое с чего я начал, оказавшись среди людей, решил поесть. В посёлке было много мест, где можно было купить обед, многие тут жили, зарабатывая на жизнь тем, что кормили путников. Выбрав одно из таких заведений источающее вкусные запахи, я направился туда, денег у меня было достаточно, сбережения мельника были при мне.

– Ты, прежде чем заказ сделать, сначала деньги покажи, – заявил хозяин заведения. Я достал серебряную монету, заранее приготовленную для оплаты, остальные деньги остались в мешочке за пазухой. – А, ну, если так, тогда говори, что тебе?

– Кашу, тушёные овощи, половину жареной курицы и отвар из фруктов, – озвучил я, то, чего мне сейчас хотелось съесть. Пока мой заказ готовили, я исподтишка наблюдал за людьми, пришедшими сюда за тем же, зачем и я, то есть тоже поесть. Судя по их одежде, загару и говору, шесть человек из десяти сидящих в зале, точно были не местными жителями. На меня они смотрели по-разному, кто-то также как я тайком, а кто-то открыто. Взгляды у всех были разными, у кого-то брезгливые, у кого-то равнодушные, а у некоторых заинтересованные. Такими заинтересованными, смотрели на меня чужаки, я, конечно, тоже был здесь чужим, но от них отличался, как одеждой, так и возрастом. Все они были старше меня почти вдвое и все вооружены. У каждого на поясе висел меч или топор, вдобавок у всех как дополнение имелись ножи и не по одному.

Вскоре принесли мой заказ, и я на некоторое время забыл обо всём, такую вкуснятину я очень давно уже не ел. Когда тарелки опустели, увидел, что за столом сижу уже не один, напротив меня сидел один из шестерых чужаков и тихо посмеивался надо мной.

– Видать давно не ел, если меня даже не заметил, – после его слов, все его друзья дружно и громко засмеялись.

– Так вкусно давно не ел, чаще было, что бог пошлёт, – ответил я, не придумав ничего другого.

– Как-то плохо тебя боги одаривали, не иначе только молодой травой, – сказал подсевший ко мне чужак, его друзья опять громко засмеялись.

– По-всякому было, от меня-то вам что надо, – я убрал одну руку со стола, чтобы в случае чего, быстро достать нож.

– Тихо-тихо, не делай глупостей парень, у нас нет причин на тебя нападать, мы наоборот хотим тебе предложить заработать.

– Воровать не буду, – я сразу попытался отказаться от их предложения, потому что, другой работы они мне вряд ли могли предложить.

– Тебе никто и не предлагает, мы же не бандиты, а искатели древностей. Вчера из похода вернулись, сейчас празднуем и поминаем тех, кто не вернулся. Нас девять было, осталось шесть, для следующего похода нужно команду пополнить. Я вижу, что парень ты хоть и молодой, но судя по шрамам и поведению, постоять за себя умеешь.

– Хотите взять меня в свою команду?

– Точно! Только мы не сейчас пойдём, а где-то, через месяц, когда погода наладится, да и отдохнуть надо. Ну, так, как, пойдёшь с нами?

– Куда пойдём и что искать будем?

– Хм, соображаешь ты тоже быстро и вопросы нужные задаёшь. Куда, мы пока не решили, а что искать будем, тоже не знаем, что найдём то и наше.

– Ваше или и моё тоже?

– И твоё тоже, всё делим поровну. Сейчас я на тебя наседать с ответом не буду, захочешь с нами, сам нас найдёшь, мы до похода в этом посёлке сидеть будем, – чужак встал и собирался уйти, но я его остановил.

– Кого мне искать-то?

– Рона Блудного Пса, меня тут все знают, а это мои ребята, я потом тебя с ними познакомлю.

Командир Рон ушёл, и вся его команда сразу забыла обо мне, продолжив отмечать возвращение. Если судить по тому, что у них было на столе из еды и питья, деньги у них водились в достаточном количестве, чтобы нормально жить. Поход за древними артефактами меня

заинтересовал, жить в лесу как зверь, мне уже надоело, хотелось занять нормальный дом и есть нормальную еду. Я уже был согласен отправиться с ними куда угодно, но прежде решил, навестить родню. Не то чтобы я по ним скучал, просто хотелось прояснить ситуацию, вдруг я в розыске и на меня объявлена охота. Охотники за головами во всех людских королевствах имелись и отловом или уничтожением преступников, очень неплохо зарабатывали себе на жизнь.

Ещё немного посидев в зале, отправился на поиски комнаты и новой одежды. Искать долго не пришлось, комнату снял на втором этаже в доме, напротив. Одежду нашёл в этом же доме, только на первом этаже, тут была лавка, в которой она и продавалась, как новая, так и поношенная. Поднявшись в комнату, первым делом решил смыть с себя грязь и заказал несколько вёдер горячей воды и большое корыто, разумеется, тоже, не прямо из ведра же мыться.

В воде отмокал долго, пока с меня вся грязь не сошла, вылез только когда вода, уже совсем остыла. Купленная мною одежда, подошла мне по размеру, словно её шили специально для меня, не зря я заплатил за неё серебряную монету. Ещё одну отдал за солдатские сапоги со шнуровкой для крепления поножей. Для полного приведения себя в нормальный вид, оставалось подстричь волосы, они отросли ниже плеч. Собрался отрезать их ножом, но, когда за них взялся, замер от удивления. Мои когда-то тёмные волосы, частично окрасились естественным образом, то есть поседели. Я раньше этого не замечал, под грязью было не видно, а сейчас, когда их отмыл, они показались во всей своей красе. С одной стороны, было даже красиво, но с другой, мне же всего четырнадцать лет, рановато голова стала светлеть. Не стал их отрезать, перетянул кожаным шнурком, изобразив конский хвост.

До позднего вечера гулял по посёлку, смотрел на то, как тут люди живут. Ничего нового не увидел, всё точно так же, как и на севере, только дома тут больше. Зима в этих местах не очень холодная и топить печь два раза как в Терноле, не нужно, хватит и одного раза. Перед тем как отправиться спать, зашёл поужинать в ту же таверну, где обедал. Команда искателей древностей ещё была здесь и уже хорошо опьяневшая к моменту моего второго появления.

– Ооо, ты посмотри, как наш будущий друг приоделся, даже не узнал сразу, – Рон стукнул пустой кружкой по столу и показал на меня.

– Даже волосы в хвост стянул, только хвост у него слегка седой, как у волка! – высказался кто-то.

– Да, какой из него волк, так, волчонок ещё, – добавил кто-то другим сиплым голосом.

– Звать-то тебя как, волчонок? – спросил Рон, покосившись на хозяина таверны.

– Кирит.

– Что, просто Кирит и всё? – Рону одного имени показалось мало.

– Да, просто Кирит, – ответил я и подошёл к хозяину, чтобы попросить ужин с собой, а не есть его здесь, под наблюдением пьяных искателей древности.

– Ну и ладно, не хочешь не говори, будешь тогда Кирит Волчонок.

Рон ещё много чего потом говорил, только обращался уже не ко мне, а к своим товарищам. Некоторые из этих товарищей его сейчас просто не понимали, они после выпитого уже себя не понимали. Получив свой ужин, я быстро покинул это заведение и вскоре уже был в снятой мною комнате. Поужинав в спокойной обстановке, завалился спать, но как не пытался, в эту ночь на новом месте я так и не заснул. Дождавшись рассвета, отправился в Тернол, не пешком конечно, а примкнул к обозу, идущему на север Эйвенхарда. Они в начале меня не хотели с собой брать, но когда я заплатил один серебряный просто за то, чтобы идти рядом, меня взяли. Правда, с условием, что буду помогать во всём, в том числе и с охраной обоза. На мой возраст всем было плевать, главное, чтобы я мог держать в руках оружие, а я мог, нож и топор у меня за поясом об этом прямо говорили.

Первый день пути, со мной почти никто не разговаривал, ко мне присматривались, мало ли, вдруг я бандит какой-нибудь. На второй день стали задавать вопросы; кто я, откуда, зачем

иду на север? Я отвечал коротко и уклончиво, а иногда просто врал. Соврал я лишь в одном, сказав, что в Терноле живёт мой дядя, и я решил, его навестить. О моей семье можно сказать ничего и не спрашивали, никому до этого не было дела. В нашем мире и в десять лет дети жили одни, лишившись родителей по какой-нибудь причине, правда, выживали совсем немногие. Девочек в четырнадцать-пятнадцать лет уже старались выдать замуж, чтобы избавиться от лишних ртов, а рты эти могли прибавиться в любой момент. Девушку могли изнасиловать где-нибудь в подворотне или обманом заманить в постель.

До Тернола обоз должен добраться через две недели. Продав там свой товар, торговцы закупят новый и отправятся обратно. С севера везли, меха, шерсть и оружие, в основном луки, они там стоили меньше чем на юге, а качество было не хуже.

Дорога до родного города ничем особо интересным не запомнилась, мы шли, останавливались на привал и снова шли. К концу пути обозники ко мне привыкли и уже нормально со мной разговаривали, один из охранников обоза вообще стал относиться ко мне, как к родному сыну. Он много рассказывал о том, что и как делать, чтобы выжить в нашем мире и даже взялся учить владению мечом. Судя, по его словам, у меня неплохо получалось, но у меня была одна проблема. Когда я сражался, не видел, что происходит вокруг и проигрывал. Проигрывал потому, что нападали на меня неожиданно и с разных сторон. Тренировались же не только мы с Эридом, так звали опытного воина, который учил меня, но и остальные охранники и вот от них-то мне и доставалось всё время.

– Ты всегда должен видеть, что происходит вокруг, словно у тебя и на затылке есть глаза, – повторял Эрид каждый раз, когда я получал удар в спину. Если бы мы тренировались с настоящими мечами, меня бы давно уже убили, а так, я только синяки получал от ударов палкой.

В город мы вошли все вместе, после чего я решил, идти по своим делам, а обозники по своим. Город за два прошедших года совсем не изменился, люди остались такими же угрюмыми как раньше. К счастью меня никто из стражников у ворот не узнал, видимо я за это время сильно изменился.

– Кирит, ты если надумаешь возвращаться, будем только рады твоей компании. Найдёшь нас за городом у реки. Мы там пару дней будем сидеть, пока торговцы новый товар закупают, – намекнул мне Эрид. Надёжный человек был всегда им нужен, а я уже почти своим для них стал. – Вот, держи, подарок тебе, – он протянул мне наручи, – мне они маловаты стали.

Подарок был неожиданным, я даже не знал, что сказать кроме благодарности. Эрида окрикнули, чтобы не отстал от сопровождения и на этом мы с ним расстались. Наручи я сразу же надел, не поверх рукавов, а под них, чтобы невидны были. Обоз в город прибыл уже поздно вечером, и мне нужно было где-то переночевать. Ещё не мешало бы узнать, что сейчас происходит дома и в лавке отца. Идти туда сразу же не захотел, решил вначале понаблюдать. Хорошее место для наблюдения за домом, было на чердаке соседнего дома, туда я и направился. Сосед был уже старый дед, слышал и видел плохо, да и бабка его была ничуть не лучше него, так что они могут и не узнать, что у них на чердаке появился постоялец.

Я присидел на чердаке у соседа до полуночи, за это время ни в лавку, ни домой, так никто и не пришёл. Было ощущение, что дом был вообще брошен, так как я даже не услышал шума, поднятого курами или козами, после того, как попал камнем в стену сарая. Подождав ещё немного, решил осмотреть дом изнутри.

Обстановка в доме слегка изменилась за время моего отсутствия. Часть мебели исчезла, а то, что осталось, было всё грязное, словно специально не чистили два года, дожидаясь того, что этим займусь я, когда вернусь. Поднявшись на второй этаж, я вошёл в комнату отца и сразу же открыл сундук. Вещей в нём стало меньше, но портрет мамы был тут, и я его забрал. Потом прошёлся по всему дому, стараясь определить, живёт здесь кто-то или нет. Судя по ещё не засохшему куску хлеба на столе, хозяин тут есть, правда, не ясно кто он. Оставаться здесь на ночь я не хотел, мне почему-то всё здесь стало чужим, да и находится здесь, было как-то

неприятно. Перед тем как уйти, я заглянул в сарай, он оказался абсолютно пустым, не было ни кур, ни коз, ни свиньи, в нём вообще ничего не было, кроме стопки дров в углу.

Для ночлега пришлось искать другое место, лезть обратно на соседский чердак не хотелось, там было много пыли. Медленно шагая по ночной, тёмной улице, я шёл в сторону ближайшего постоянного двора, собираясь снять там комнату. Через некоторое время остановился, так как из-за угла навстречу мне, вышли два человека, с явным намерением меня ограбить. В темноте я не видел их лиц, да и не до этого было, они напали, молча, как голодные волки, но не добились того, чего хотели, путник оказался не так прост. От серьёзных ран меня спасли подаренные Эридом наручи и его слова о том, чтобы я всегда видел, что происходит вокруг. Приняв первые удары на стальные наручи, я ударил в ответ. Ночные грабители этого не ожидали и теперь один из них, лежал на земле с перерезанным горлом и захлёбывался собственной кровью. Его товарищ по ремеслу подумал, что это произошло случайно, и напал на меня снова. Сейчас он действовал более осторожно, но не учёл одного маленького преимущества с моей стороны, наличие у меня топора. Ночной бой закончился быстро, я победил, не получив ни одного пореза. Прежде чем уйти от этого места подальше, обыскал трупы, не нашёл ничего, только их ножи. Брать их не стал, не нужны они мне, к тому же они были довольно низкого качества, даже продать не получится. После двойного убийства, мне нужно было срочно уходить из города и как можно дальше. Встречу с отцом и братом пришлось, отложить на неопределённое время, убийство быстро свяжут с моим появлением и это будет уже не клевета.

Способов выбраться из города минуя ворота, было несколько, местные мальчишки иногда ради озорства ими пользовались. Я об этом хорошо знал, так как пару раз тоже выбирался за городскую стену по подземному водостоку. Вход туда нашёл без проблем и спустя некоторое время уже увидел свет от костра охранников обоза.

– А, это ты, ну и как там твой дядя? – Эрид сразу заметил, что со мной что-то не так, но виду не подал.

– Уехал он отсюда, а я не знал, – соврал я, стараясь не смотреть в глаза Эрида.

– Садись ближе к огню, ночи сейчас ещё холодные, особенно здесь, на севере Эйвенхарда. Я сел на бревно, лежащее здесь уже несколько лет, и протянул руки к огню. Мои руки немного дрожали, пришлось их соединить вместе, чтобы не так видно было.

– Держи, – Эрид протянул мне моток ниток и иголку, – рукав-то зашить нужно.

Я посмотрел на рукав и только сейчас заметил, что он разрезан и сквозь разрез, был виден, метал наруча.

– Спасибо.

– Не за что, надеюсь, что прав ты был, – Эрид обо всём догадался и после моего утвердительного кивка, больше вопросов не задавал.

Глава 4

Утром к охранникам обоза пришли стражники, они искали убийцу, но не среди охранников. К ним они пришли для того чтобы спросить, не видели ли они тут подозрительных людей.

– А кого убили-то? – спросил Эрид, покосившись на меня.

– Парочку грабителей кто-то прихлопнул. Нам не то чтобы их жалко, виселица по ним давно тосковала, но вы же сами понимаете, убийцу мы искать должны. По крайней мере, первые пару дней, так сказать, для отчёта, – пояснил стражник.

Через некоторое время стражники ушли и Эрид отозвал меня в сторону, чтобы узнать, что же всё-таки произошло в городе.

– Ничего особенного, я шёл по улице, уже темно было, появились двое, хотели меня убить. Что потом было вы и так уже знаете, – коротко рассказал я, не отводя глаз.

– Хочешь сказать, что ты один убил двоих сразу?

– Ну, да, они же не ожидали, что у меня тоже нож есть и ещё топор. А ещё я первым ударил, зачем ждать, когда в меня станут ржавым ножом тыкать.

Эрид после моего пояснения как-то странно на меня посмотрел, не злясь, а как бы прикидывая, на что я вообще способен. Я тоже смотрел, ожидая от него хоть какого-нибудь действия вплоть до нападения. Ничего такого плохого не произошло, он потом лишь тяжело вздохнул и сказал.

– Тебе сейчас всего четырнадцать, ты выходишь против двоих и побеждаешь. Я даже не могу представить, насколько ты станешь опасен, когда тебе исполнится, так скажем лет двадцать пять.

– Почему сразу опасен, я же только защищаюсь, – я его не понял.

– Я говорю о том, что в бою ты опасным противником будешь, а не в жизни.

Он больше ничего не сказал, потому что торговцы появились. Они купили в Терноле то, что хотели и сейчас привезли всё под охрану отряда Эрида. В самом городе они ночевать не захотели, за сохранность товара стражники брали дополнительную оплату, даже если имелась своя охрана. Одним словом, всё было запутано, и платить никто и никому не хотел. Я этим вопросом никогда раньше не интересовался и сейчас с расспросами тоже не лез, придёт время, всё узнаю.

Несмотря на то, что Эрид узнал о том, что я сделал, он не прогнал меня, и я вместе с ними отправился обратно на юг. Учить меня, он тоже не перестал, вот только учил уже по-другому. На меня надевали лёгкий кожаный доспех и шлем, после чего поединок проходил в полную силу, но вместо мечей оставались палки. Мне стало гораздо сложнее отбиваться от нападающих на меня охранников, ведь они теперь меня не жалели. Сам Эрид стал реже участвовать в учебных поединках, он лишь подсказывал, что и как мне делать, чтобы победить. Успехи у меня были, но я уже стал жалеть о том, что согласился на обучение. Учиться, стрелять из лука было легче, меня Мирайя хотя бы не била в процессе обучения.

Через несколько дней мы остановились на привал на берегу реки, и решили смыть с себя грязь. Я тоже от этого не отказался, но прежде чем снять одежду, отошёл подальше и от самих обозников, и от охранников. Свои шрамы я никому из них показывать не хотел, вопросов потом будет много. Плескался в чистой воде на мелководье долго, а когда вышел на берег, увидел Эрида. Он сидел на трухлявом пне возле моей одежды и наблюдал за мной.

– Ты забыл, чему я тебя учил?

– О чём забыл? – я стоял напротив него и не понимал, о чём он говорит.

– Ты всегда должен видеть всё, что происходит вокруг. Даже когда моешься или сидишь в кустах со спущенными штанами, у тебя должен быть под рукой либо меч, либо нож. А что если бы вместо меня тут сидел кто-нибудь другой? Тебя же чтобы ограбить, даже убивать не

пришлось бы, если только чтоб не кричал потом на весь лес, что тебя ограбили. Ладно, одевайся, обедать пора.

Я, понуриив голову, стал натягивать на мокрое тело штаны, стараясь не поворачиваться к Эриду спиной, но это было уже бессмысленно, он видел все мои шрамы.

– О шрамах на спине спрашивать не буду, а вот о том, что за шрам на боку хотелось бы узнать, – он продолжал сидеть, ожидая, когда я оденусь полностью.

– С волком мясо делили, – коротко попытался пояснить я и надел рубаху, скрыв под ней свои шрамы.

– И как много этого мяса было?

– Кабан.

– Ты пытался у волка кабана отобрать? – удивился Эрид моему поступку.

– Нет, это он, вернее они, пытались отнять, – я надел сапоги и был готов идти на обед.

– Отняли?

– Нет, это была моя добыча, правда драка была не совсем за мясо, они вначале хотели меня убить, а уже потом мясо забрать.

Ответив, я направился к нашей стоянке, рассказывать что-то о себе и своей жизни, мне не хотелось. За последние два года в моей жизни ничего хорошего не было, не считая встречи с Мирайей.

Эрид до вечера у меня больше ничего не спрашивал, он видел, что я не настроен на разговор. Сегодня он даже отменил наши занятия, позволив всем нормально отдохнуть. Он и сам сегодня был каким-то уставшим, словно весь день носил на плечах мешок с зерном. Торговцы на следующий день собирались, свернуть с королевского тракта и направиться на юго-восток Эйвенхарда. Часть из товара они планировали продать в небольшом городке под странным названием Кубар, и только после уже идти на юг в Нарок.

Ночь прошла спокойно, мне даже выделили для сна место в одном из фургонов. В этом фургоне торговцы везли меха и два десятка луков со стрелами, я на всю ночь стал для этого товара дополнительной охраной. На рассвете, когда туман ещё не рассеялся, на нас напали разбойники. Дежуривший у костра воин, успел поднять шум, перед тем как упасть замертво сразу с двумя арбалетными болтами в груди. У меня при себе был только нож, топор я оставил у костра, им дрова для костра рубили. Звуки боя нарастали, слышался звон мечей и крики первых раненых.

Лезть на меч с ножом, я посчитал глупостью и открыл сундук, где лежали луки со стрелами. Натянув тетиву и прихватив связку стрел, я выскочил из фургона и замер, не понимая, что происходит. С разных сторон от костра стояли двое, Эрид с окровавленным мечом в руке и неизвестный мне человек, у которого вместо меча был пастуший кнут. Они стояли, смотрели друг на друга и улыбались, а через мгновение вступили в бой уже, будучи на одной стороне, на стороне охраны обоза.

Эриду моя помощь была не нужна, и я решил помочь другим воинам из его отряда. Стрелял я быстро и вскоре разбойники закончились. Эрид увидев, кто стрелял, не мог понять, мерещится ему это или нет, а его друг с кнутом застыл на месте, ожидая, что и его сейчас настигнет летящая смерть. В ста шагах за их спинами из тумана вышел человек с арбалетом в руках и стал прицеливаться. В кого он хотел выстрелить, я не знал и решил спасти всех, кто сейчас остался стоять.

– Ложись! – крикнул я и выстрелил в арбалетчика. Как неудивительно, но я в него попал, а ведь хотел, всего лишь помешать ему, точно выстрелить. Через некоторое время все, кто после моего крика упал, встали и удивлённо посмотрели на меня.

– Эрид, кто этот парень? – спросил человек с кнутом.

– Это Кирит, мой случайный ученик, – ответил Эрид и, вытерев пучком травы лезвие, убрал меч в ножны.

– Ты же не лучник, ты мечник, не мог ты научить его так стрелять, – человек с кнутом непонимающе посмотрел то на Эрида, то на меня.

– А я этому его и не учил, и сейчас очень хочу узнать, кто тот мастер лучник, научивший его этой технике стрельбы, – Эрид направился ко мне и по его взгляду я понял, что на его вопрос буду просто обязан ответить честно. Пока он подходил, я стал оправдываться.

– Да, чего тут, здесь же всего полсотни шагов, любой попадёт.

– Ты мне зубы не заговаривай, мне про тех, кто тут лежит, дела нет, а вот о том арбалетчике со стрелой в глазу, хотел бы узнать подробнее. Не каждый за двести шагов в тумане в глаз сможет попасть. Говори, кто тебя учил, и врать не советую, я эту технику стрельбы уже лет пятнадцать не видел, – Эрид подошёл ко мне и подставил кулак к моему носу.

– Был один добрый человек, только расстаться пришлось, ей пришлось быстро уходить, – промямлил я, отодвигаясь от кулака.

– Ты сказал ей? – взгляд Эрида стал ещё более суровым, и он схватил меня за шиворот. – Кто она, как её звали, где вы встретились и куда она пошла?

– Её звали Мирайя, она меня вылечила после того, как я пятнадцать ударов плетью получил за кражу рыбы на рынке Карамаша, – выдавил я из ставшего сухим горла. Поведение Эрида после моих слов стало странным, его лицо сначала вытянулось от удивления, а потом он стал смеяться как сумасшедший. Человек с кнутом тоже стал смеяться, но не так странно, как Эрид, он просто смеялся, как обычный человек.

– Ну, что Эрид, похоже, жизнь налаживается, – сквозь смех сказал человек с кнутом.

– Ты прав Гур, умирать нам ещё рано, и я, кажется, знаю, где её искать, – Эрид как-то по-доброму взглянул на меня и потрепал меня за волосы.

– Вы её знаете? – спросил я, опасаясь того, что раскрыл тайну лучницы.

– Ещё бы он её не знал, это его жена, он думал, что она погибла, – пояснил Гур.

– А вы кто? – спросил я у Гура, но ответил мне Эрид.

– Это Гур Дарит по прозвищу Пастух, наверное, единственный на этом свете человек который своим кнутом может, голову снять с плеч. Он даже стрелу в полёте им сбивает.

– Это получается, что вы бывшие воины Нотингер? – осторожно спросил я.

– Тсс, тихо ты, молчи об этом, иначе беду накличешь, – Эрид приложил палец к губам и посмотрел по сторонам.

До полудня торговцы и охранники занимались обработкой ран и похоронами своих товарищей. Отряд Эрида потерял троих, но приобрёл одного нового воина Гура Дарита. Из рассказов самого Гура, после войны он был вынужден прятаться, и в итоге получилось так, что примкнул к разбойникам. Сейчас встретив своего старого друга Эрида, Гур решил, вновь изменить жизнь, ведь теперь с помощью друга это стало сделать проще.

Вечером во время очередного привала, Эрид подарил мне меч, он принадлежал погибшему воину и сейчас остался без хозяина. Меч был хороший, с мечами разбойников даже сравнивать не стоило, у них были только какие-то кривые и ржавые поделки пьяного кузнеца. Честно говоря, я бы предпочёл, получить лук в награду, но торговцы оказались жадными и за защиту их жизней и товара, мне досталась лишь одна серебряная монета.

За остаток пути до города Кубар, я учился держать в руках настоящий меч, и учили меня теперь уже два учителя, к обучению подключился Гур. Он взялся учить меня сражаться своим боевым кнутом, но получалось у меня совсем плохо, я бы даже сказал, что вообще не получалось. Кончик кнута попадал куда угодно, но только не в мишень.

– Да ладно тебе расстраиваться-то, я тоже не сразу с ним подружился, – подбадривал меня Гур и продолжал показывать, как надо бить. Эрид в это время следил за моими потугами в обучении и о чём-то напряжённо думал. Обычно он не был таким задумчивым, но, когда мы добрались до Кубара, его словно подменили. Эрид вместе с Гуrom часто отходили подальше от стоянки обоза и подолгу разговаривали, даже спорили, размахивая при этом руками.

Город Кубар мне не понравился, он был каким-то грязным и мрачным, жителей в нём было не очень много, на первый взгляд не больше двух тысяч. Основным занятием жителей была охота и ловля рыбы, часть из добытого охотой они оставляли себе, а всё остальное отправляли в столицу. Главой города был барон Нидмот, по словам Эрида человек мерзкий во всех отношениях. Поэтому Эрид со своим отрядом предпочитал в сам город не входить, чтобы не раздражать барона и его воинов своим видом. К торговцам отношение в городе было нормальным, а вот охрану обозов здесь не любили, причём это касалось не только отряда Эрида, но и всех охранников, сопровождающих обозы.

Спустя два дня, обоз снова тронулся в путь, следующей и конечной остановкой должен был стать Карамаш. Я с ними в этот город ехать не собирался, мне нужно будет уйти от них где-то в середине пути. Меня должны ждать искатели древностей, я планировал с ними отправиться в мёртвые земли. В какие земли точно не знал, да и вообще я о мёртвых землях мало что знал. Слышал, что есть такие и много, но больше всего слышал только о пустоши Пасатора. Это была самая большая пустошь из всех что были и самая опасная.

– Кирит, нам бы хотелось взять тебя с собой, но не можем, – во время последнего привала, после которого я собрался уходить, ко мне подсел Эрид, чтобы поговорить. – Мы на некоторое время забросим сопровождение обозов, сам понимаешь, мне кое-кого найти нужно. Как только всё прояснится, я дам о себе знать. В Карамаше есть оружейная лавка, хозяин там Родрик Безногий, правой ноги у него нет, загляни к нему через пару месяцев. Думаю, что к этому времени я успею ему шепнуть на ухо, где нас искать. Придёшь к нему и спросишь где найти пару острых мечей для того, чтобы побриться. Всё запомнил? Ну, тогда до встречи, – Эрид обнял меня как родного сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.